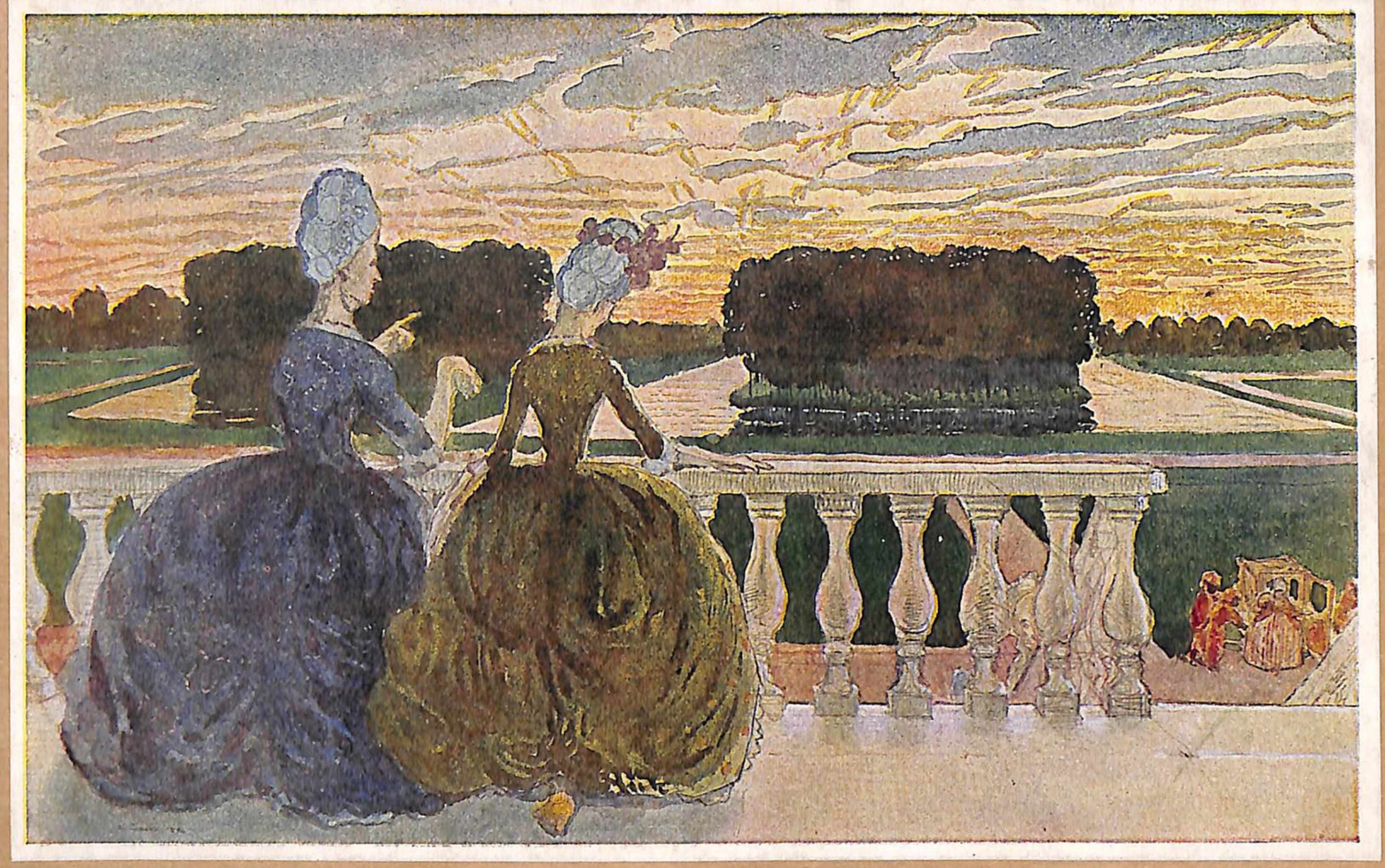
Р 7С 1(05)
С 81



К. А. Сомовъ.—„Въ старые годы".
Собраніе А. А. Коровина.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 73.
(первый № подписки 1917 г.).
Отд. № въ Петроградѣ—95 к.,
въ провинціи и на вокзалахъ — 1 р. 10 к.

КІРОВОГРАДСЬКА БІБЛІОТЕКА
ОБЛАСНА НАУКОВА ім. Д. ЧИЖЕВСЬКОГО
КОЛЕКЦІЯ ОЛЕКСАНДРА ІЛЬЇНА
Р7С1105 С81
КОЛ. № 23573
ІНВ. № 1006951

...РНАЛОВЪ.

...раній, старинной мебели ...и всякій, для кого быть ... много интереснаго въ ...неровъ", которая вышла ...вилось два года назадъ). ... „ученость" и проситъ ...ко какъ на „впечатлѣнія ... на самомъ дѣлѣ цѣ-...ныхъ статьяхъ (напр., о рѣдкихъ русскихъ изданіяхъ, о русскомъ цвѣтномъ хрусталѣ и стеклѣ), столько знаній, почерпнутыхъ изъ книгъ и изъ собирательскаго опыта, столько личныхъ воспоминаній, а, главное, любви къ старинѣ и искусству, столько историческаго чувства, что нельзя не отвести книгѣ г. Лазаревскаго мѣсто гораздо выше обычнаго дилетантскаго уровня. Эта книга разсказываетъ о прекрасномъ и о влюбленныхъ въ прекрасное, о чудакахъ-коллекціонерахъ, объ антикварахъ, о поддѣлкахъ; она и наставляетъ начинающихъ собирателей, и предостерегаетъ отъ крайнихъ увлеченій коллекціонерства, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ часто теряетъ изъ виду свою конечную цѣль — искусство и само становится однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ видовъ „искусства для искусства". Русская культура подобными работами еще очень бѣдна, и ей онѣ особенно нужны. Появленіе въ послѣдніе годы такихъ книгъ, какъ эта, какъ труды В. А. Верещагина, С. Н. Тройницкаго, и покойнаго бар. Н. Н. Врангеля и еще нѣсколько подобныхъ, одно изъ отраднѣйшихъ знаменій нашего времени.

Почтенный авторъ напрасно не указалъ, что знаменитый масонскій трактатъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости" принадлежитъ И. В. Лопухину и былъ напечатанъ, по всей вѣроятности, въ Компанейской типографіи (см. „Масонскіе труды И. В. Лопухина", подъ ред. В. Ѳ. Саводника, М., 1913). Полное описаніе „Театральнаго Альбома" 1842 г. далъ Н. Обольяниновъ („Русс. Библіофилъ" 1912 г., № 6).

* * *

Московское издательство К. Ф. Некрасова выпустило популярную книжку А. М. Скворцова о знаменитомъ живописцѣ XVIII вѣка Д. Г. Левицкомъ. Очеркъ г. Скворцова не болѣе, какъ композиція (изъ трудовъ Дягилева, Бенуа, Врангеля), но композиція умѣло сдѣланная.

Въ Левицкомъ есть что-то общее съ его землякомъ Гоголемъ—и по духу, и по личнымъ судьбамъ: та же любовь къ внѣшнимъ соблазнамъ земнымъ, то же упоеніе роскошью и блескомъ жизни, та же иронія высшей натуры и та же борьба во имя воззрѣнія на жизнь какъ на трудное дѣло Божье. Около 40 иллюстрацій на мѣловой бумагѣ, среди которыхъ есть, къ сожалѣнію, нѣсколько неудачныхъ, воспроизводятъ самые лучшіе и характерные портреты, созданные великимъ наблюдателемъ человѣческихъ душъ. Русское XVIII столѣтіе Левицкимъ и увѣковѣчено, и воспѣто, и разоблачено. Любуясь его картинами (помнимъ ихъ по исторической портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ), мы и восхищаемся его вѣкомъ, и присутствуемъ на судѣ надъ нимъ художника-мудреца, который не умѣлъ лгать и возвелъ въ перлы красоты и низменную натуру Протасовой, и милую пустоту Ланского, и первый въ искусствѣ постигъ двойственность Александра Павловича.

* * *

„Скучно, дай мнѣ человѣка съ бурною душой!.." Этимъ тоскливымъ вздохомъ русскаго поэта можно формулировать одинъ изъ основныхъ мотивовъ современной европейской литературы. Главная причина успѣха пинкертоновщины—тоска по личностной цѣльности и силѣ. Пинкертонъ вовсе не образецъ свободнаго героя, низокъ и узокъ его полицейско-буржуазный „идеалъ", но онъ умѣетъ рисковать собою, онъ энергиченъ, дѣятеленъ—и беретъ своихъ читателей такъ же, какъ беретъ преступниковъ, которыхъ выслѣживаетъ. „Коль любить, такъ безъ разсудка; коль рубить, такъ ужъ сплеча..." Любовь, сильная какъ смерть, дружба, заставляющая жертвовать жизнью, ревность жгучая, толкающая на убійство, сладострастіе безумное, звѣрино-божественное, храбрость львиная, дикая—современный читатель ко всему этому относится осторожно-скептически, не вѣритъ въ это, какъ въ бабушкины сказки. Но все-же любитъ слушать эти сказки, эти старинныя были. Такую быль разсказалъ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ французскихъ писателей—Клодъ Фарреръ. Его герои—„Корсаръ изъ С.-Мало" (такъ называется романъ, перев. Е. Преображенской), пылкая испанка, любовница корсара, беззавѣтно храбрые корсары и флибустьеры. Время—вторая половина XVII в., расцвѣтъ флибустьерства въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ, въ районѣ Антильскихъ острововъ, возникла настоящая республика „витязей Фортуны", „рыцарей кошелька", съ которыми еще долго пришлось европейскимъ государямъ бороться на моряхъ. Фарреръ написалъ авантюрный романъ въ нарочито-наивныхъ, красочно-лубочныхъ тонахъ, но сохранилъ свой вдумчивый психологизмъ и то отношеніе къ европейской цивилизованной жизни, которое выразилъ въ своихъ прежнихъ романахъ („Человѣкъ, который убилъ", „Цвѣтъ цивилизаціи"), заслуженно популярныхъ и въ Россіи. Переводъ добросовѣстный, но сдѣланъ грубовато. Едва ли англичанинъ, флибустьеръ XVII вѣка, читалъ „Евгенія Онѣгина",—а у русскаго переводчика онъ говоритъ о „наукѣ страсти нѣжной" (стр. 108).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

(7-й годъ изданія).

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ.

Историко-литературный и библіографическій иллюстрированный журналъ.

Основанъ Н. В. СОЛОВЬЕВЫМЪ.

Выходитъ 8 разъ въ годъ.

Въ 1917 г. журналъ будетъ выходить подъ редакціей издательницы В. А. Соловьевой-Трефиловой и при ближайшемъ участіи редакціоннаго совѣта изъ кружка постоянныхъ сотрудниковъ. Журналу обѣщано содѣйствіе ряда литературныхъ силъ.

Подписная плата 15 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи „Сиріусъ"—Петроградъ, Рыночная, 10, и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Вольфъ и „Новаго Времени".

Редакція—Петроградъ, Невскій, 59.

ПЕТРОГРАДСКІЙ БАНКЪ.

(Продолжаетъ дѣла Банкирскаго Дома „Маврикій Нелькенъ").

ПРАВЛЕНІЕ БАНКА:
Петроградъ. Невскій пр., 22.

Петроградскій Банкъ открылъ свои дѣйствія 2-го Января 1917 года и производитъ всѣ разрѣшенныя Уставомъ Банка операціи.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья П.Т.Г.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ
НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА

КУВАКА

ИЗЪ РАДІОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Продолжается подписка на 1917 годъ (4-й годъ изданія) на ежемѣсячный историческій журналъ—вѣстникъ исторіи, исторіи литературы и искусствъ

„НАША СТАРИНА“.

Общая программа: наше далекое и близкое прошлое въ безпристрастномъ освѣщеніи; литература, искусства, бытъ, наука, политика (во взаимо-отношеніи съ общеевропейской исторіей). Иллюстраціи, изящная внѣшность, старинный стильный шрифтъ.

Цѣна 11 р., полгода 5 р. 50 к.

Городская подписка въ конторѣ: ул. Жуковскаго 24, также въ книжн. магазинахъ Вольфа, Мелье, Попова (Яснаго) и „Новаго Времени“.

Адресъ для почтовыхъ переводовъ и писемъ: Петроградъ, Каменноостровскій пр. 26.

Требуйте проспекты.

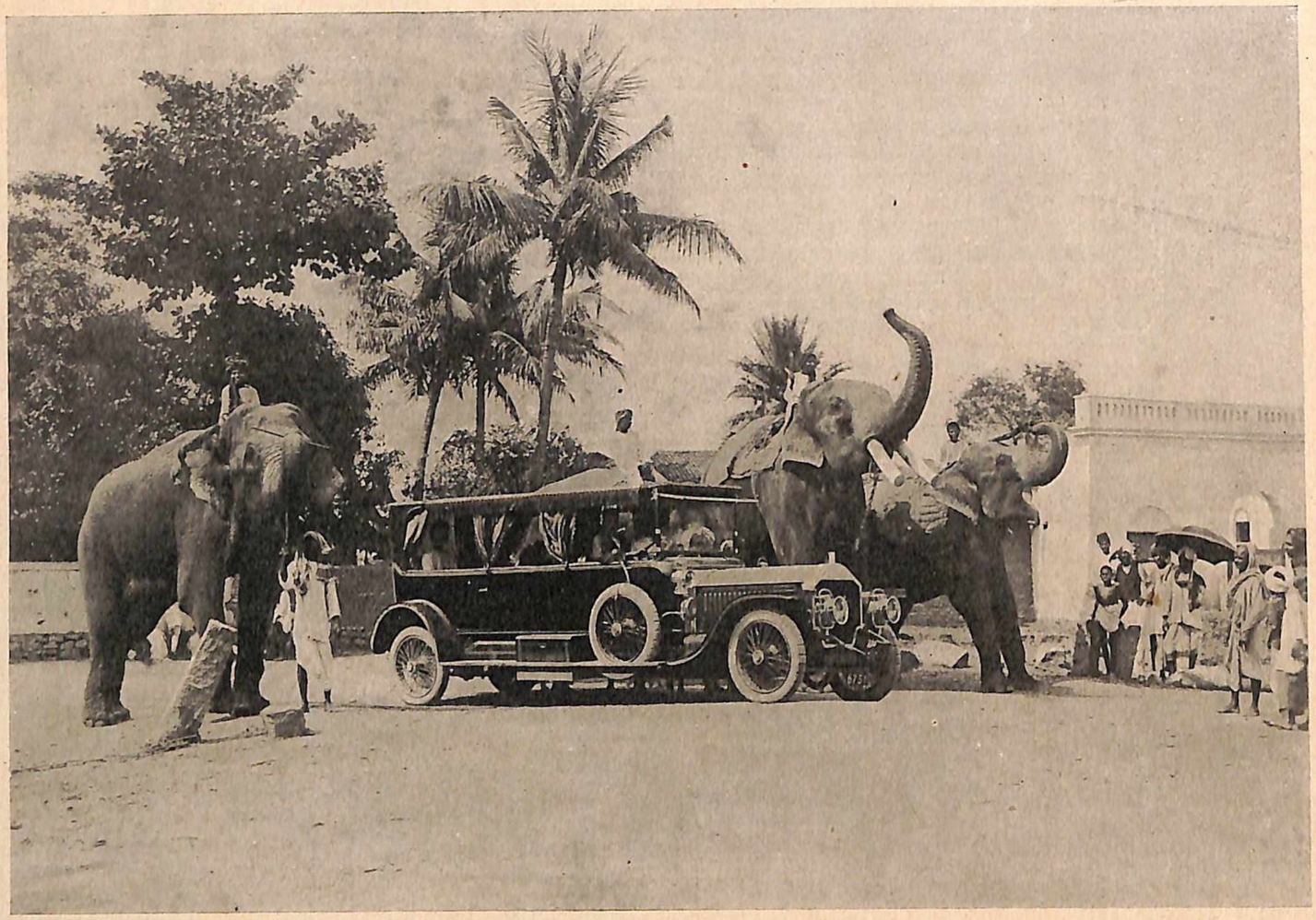
СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно, не присылайте ни денегъ, ни марокъ. Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА, Отд. 108.



АВТОМОБИЛИ **NAPIER**

ВЪ СТРАНѢ СЛОНОВЪ И РАДЖЕЙ.

Низамъ Гайдерабадскій, владѣющій большимъ количествомъ самыхъ громадныхъ и красивыхъ слоновъ въ мірѣ, предпочитаетъ имъ шестицилиндровый автомобиль знаменитой англійской фирмы **„Напіеръ“**. Это не мѣшаетъ ему, однако, пользоваться и услугами слоновъ. Одна изъ ихъ обязанностей—отдавать честь своему властелину, привѣтствуя ревомъ его проѣздъ по улицамъ и площадямъ Низамской резиденціи. Вышепомѣщенный снимокъ иллюстрируетъ именно такой моментъ.

О-ВО НАПІЕРОВСКИХЪ ЗАВОДОВЪ
D. NAPIER & SON, LTD.,
14 NEW BURLINGTON STREET,
LONDON, W.

ГЛ. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ДЛЯ РОССІИ
Д. Л. ГОТАРРЕСЪ-де-ЛАРА.
ПЕТРОГРАДЪ, ЦЕРКОВНАЯ, 33.
ТЕЛЕФОНЪ 140-52.

РЕНО

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „РУССКІЙ РЕНО“

—

ПРАВЛЕНІЕ: 34, АНГЛІЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

ПЕТРОГРАДЪ

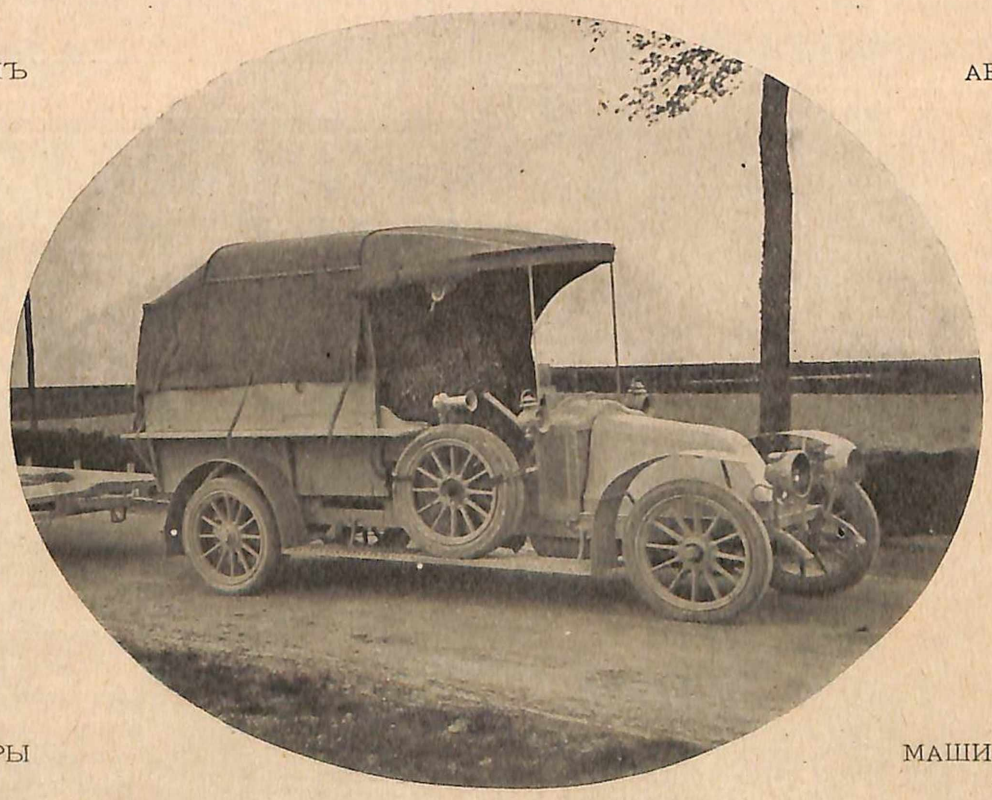
—

ЗАВОДЫ:

ПЕТРОГРАДЪ—РЫБИНСКЪ

ТУРИЗМЪ

АВІАЦІЯ



ГРУЗОВИКИ

ДВИГАТЕЛИ

ТРАКТОРЫ

МАШИНОСТРОЕНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ

МОСКВА—КІЕВЪ—ОДЕССА—ХАРЬКОВЪ

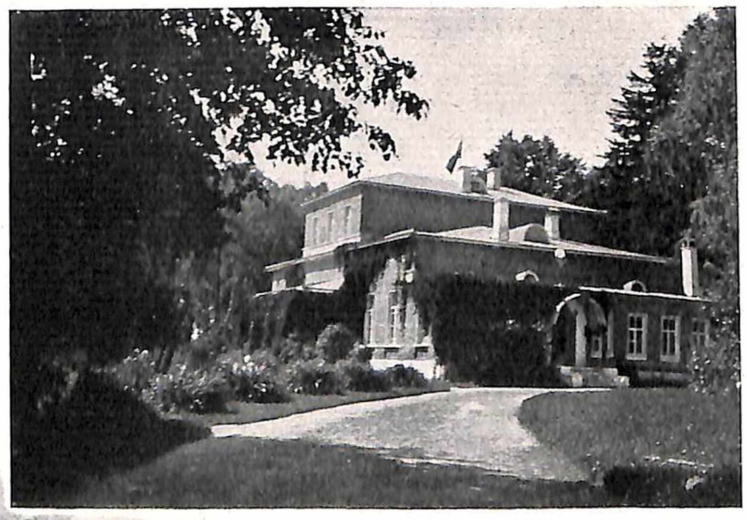
СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 73. ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ. 8 января 1917 г. Петроградъ.

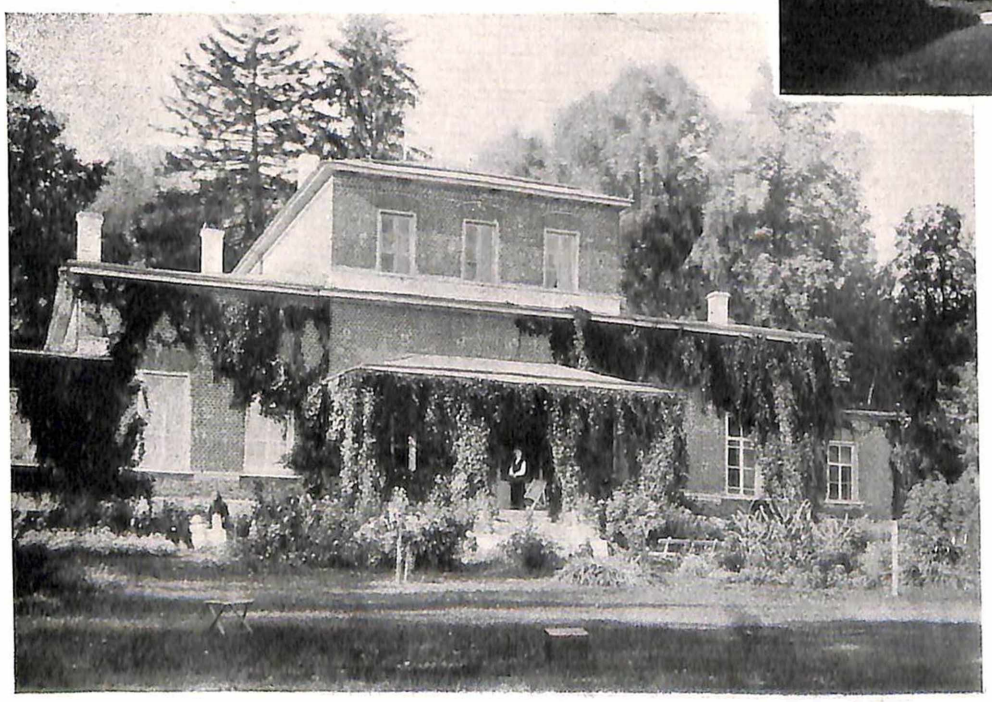
Журналъ выходитъ съ 15 декабря 1913 г.

Почти всѣ №№ 1914 и 1915 г.г., также первые десять №№ 1916 г. распроданы. Открыта подписка на 1917 годъ—въ Петроградѣ—16.75, въ Россіи—18.75, за границей—45 франк. Отд. номеръ—95 коп. Допускается разсрочка: при подпискѣ—6 р., 1 апрѣля—6 р. и 1 сентября—остальные. Пробный № для ознакомленія высылается за 40 коп. Перем. адреса иногор. на иногор. и иногор. на городск.—50 коп.; городск. на иногор.—2 р. 50 коп. Объявленія внѣ текста (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели (1/14 ширины страницы); страницы 400 руб. № 74 выйдетъ 15 января 1917 года. Редакція—Каменный Островъ, соб. д., тел. 145-25. Контора — Невскій, 28 (д. Зингера), тел. 260-51 и 171-38. Подписка на 1917 годъ начинается съ этого №. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ, магазинъ Т-ва М. О. Вольфъ.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.



Барскій домъ въ Сивцевѣ.

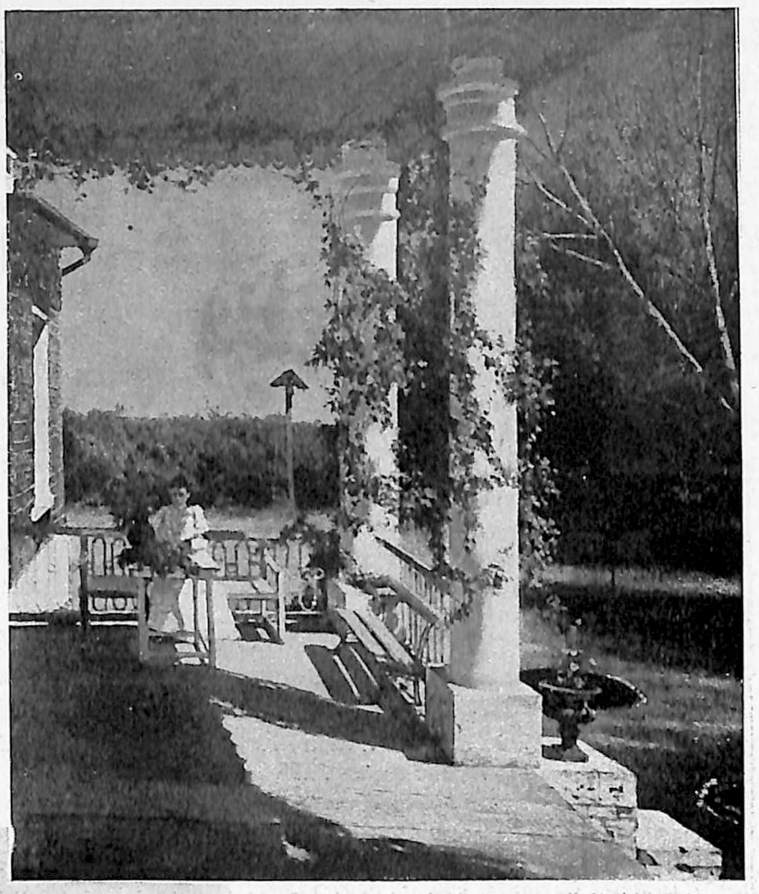


СИВЦЕВО.

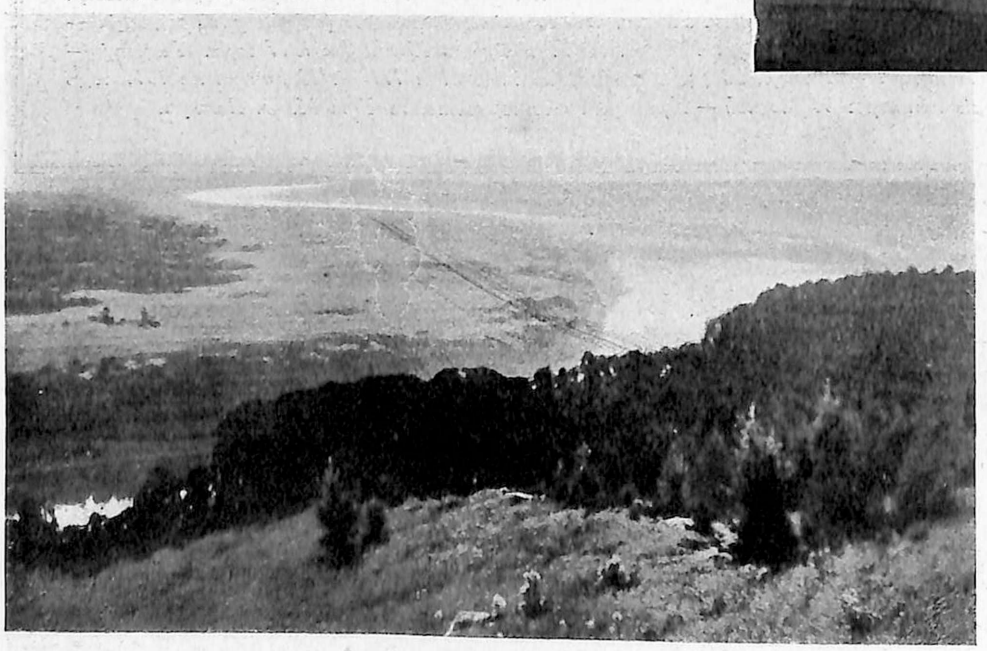
Имѣніе Сивцево, Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, было пожаловано Императрицей Екатериной II поэту Александру Петровичу Сумарокову, который многіе годы проживалъ тамъ; эта вотчина оставалась въ его семьѣ до конца 20-хъ гг., когда перешла во владѣніе ихъ дальней родственницы Татьяны Львовны Миллеръ, рожденной Толстой, бабушки нынѣшнихъ владѣльцевъ Сивцева, Миллеръ и Хрущевыхъ. Старый, живописный, тѣнистый паркъ, еще хорошо сохранившійся, былъ разбитъ и насаженъ при поэтѣ Сумароковѣ, и также сохранились нѣкоторыя зданія этой эпохи.

Государственная общественно-политическая библиотека
№ 1006951

Въ Сивцевѣ. Московскій піанистъ Н. А. Орловъ, его братъ Г. А. Орловъ и О. В. Миллеръ на лодкѣ.



Терасса Сивцевскаго дома.
Съ картины К. Я. Крыжицкаго.



Окрестности Сивцева.
Съ картины К. Я. Крыжицкаго.

Въ паркѣ Сивцева.
Съ картины К. Я. Крыжицкаго.

Теперешній трехъ-этажный каменный домъ построенъ въ 1832 г. генераломъ Ф. И. Миллеромъ, участникомъ Отечественной войны и Крымской кампаніи, во время которой онъ состоялъ начальникомъ Тарусскаго ополченія.

Поэтичный прудъ среди сада, окруженный старыми дубами и березами, украшаетъ этотъ тихій уголокъ.

Почти каждое лѣто подъ кровомъ гостепріимнаго Сивцевскаго дома собирается многочисленное общество друзей, знакомыхъ и родственниковъ владѣльцевъ, среди которыхъ перебывало немало выдающихся артистическихъ силъ изъ художественнаго и музыкальнаго міра.

ОСТРОВА САМОА.

Самоа до войны принадлежали Германіи. Теперь острова взяты Англіей, и на нихъ введена уже англійская администрація. Тамъ война не внесла никакихъ разрушеній, не нарушила нормальнаго теченія жизни этихъ благодатныхъ островововъ...

Въ августѣ 1914 г. полковникъ Робертъ Логанъ, командовавшій новозеландской эскадрой, прибылъ въ Апію и заявилъ, что острова завоеваны Англіей!.. Тѣмъ дѣло и кончилось, острова стали англійскими.

Всѣ административныя распоряженія печатаются здѣсь теперь на англійскомъ, нѣмецкомъ и мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ ходу остались еще нѣмецкія деньги, и ихъ принимаютъ одинаково съ англійскими, по курсу, какой былъ до войны.

Главный источникъ доходовъ этихъ островововъ — копра (изъ кокосовыхъ орѣховъ) и какао. Въ послѣднее время устраиваются плантаціи каучуковыхъ деревьевъ.

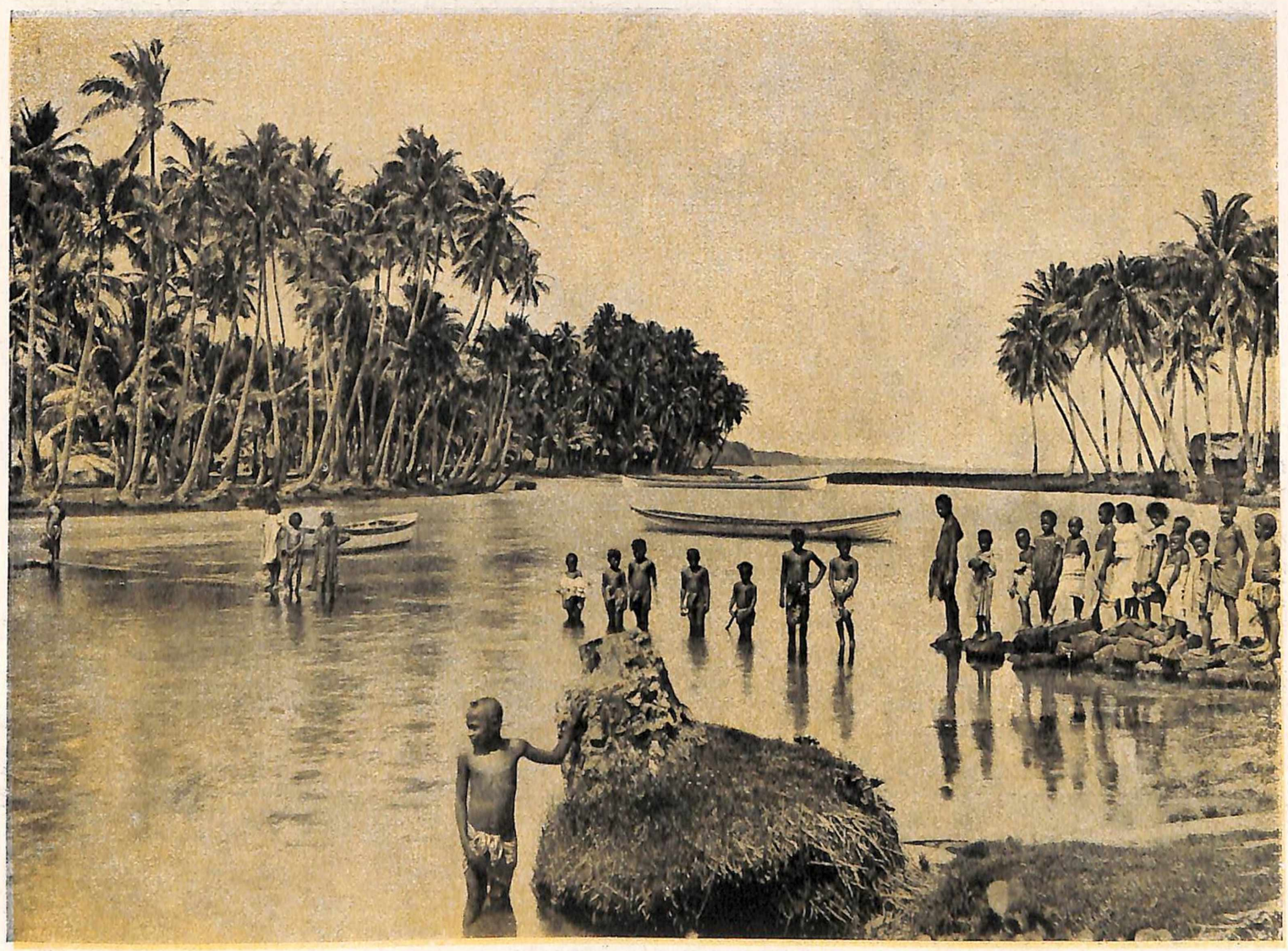
Сюда стремится много китайцевъ, и въ зависимости отъ этого появился цвѣтной вопросъ: туземцы плохо выдерживаютъ конкуренцію этихъ желтыхъ работниковъ.

Наши снимки сняты до войны, но на островахъ ничего не измѣнилось и теперь—то же яркое, вѣчное солнце, тѣ же спокойные люди, тотъ же избытокъ тепла, усыпляющій мозгъ человѣка, но зато дѣлающій жизнь болѣе радостной, чѣмъ въ нашихъ густонаселенныхъ широтахъ: борьба за существованіе несравнимо сильнѣе у насъ, а тамъ хватаетъ на всѣхъ благъ природы, даже съ избыткомъ...

* * *

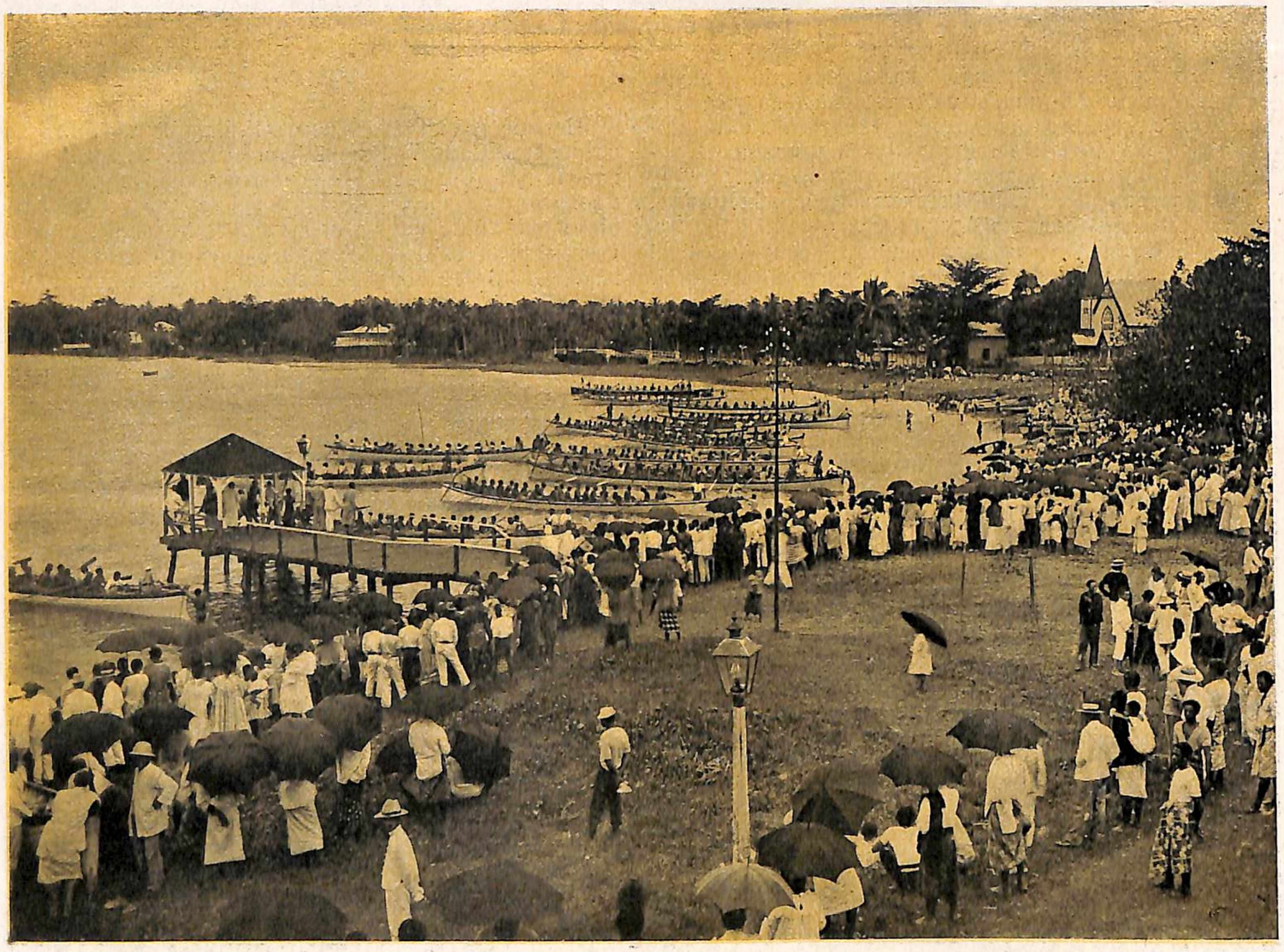
Четыре года назадъ поэтъ К. Бальмонтъ былъ на островахъ Самоа. Теперь въ „Бирж. Вѣдом.“ онъ напечаталъ отрывки изъ своего дневника. Въ нихъ много интереснаго. Дневникъ печатается съ опозданіемъ, но тамъ, на „островахъ счастливыхъ“, ничего не измѣнилось. Что вмѣсто нѣмецкаго флага гдѣ-то на океанѣ развѣвается англійскій флагъ,—самоанцамъ безразлично.

Жизнь въ тропикахъ, убивающихъ энергію и разумъ своею роскошью природы, намъ хороша только для смѣны впечатлѣній, на недѣли, мѣсяцы—не больше, но теперь, среди хаоса Европы, невольно мечтаешь объ „островахъ счастливыхъ“...



Апія—европейское, преимущественно нѣмецкое поселеніе, перепутанное съ самоанскими домами, сквозными и крытыми соломой, вѣрнѣе изсохшими пальмовыми листьями. Европейцевъ немного. Какъ вездѣ въ этихъ южныхъ моряхъ, они занимаютъ лишь самую ближнюю къ морю береговую полосу. Они пріѣзжаютъ сюда лишь изъ корысти. Добыть богатыя созданія здѣшней изобильной природы и увезти это въ свою жадную Европу. Естественно, они поселяются поближе къ кораблямъ. Въ нѣкоторыхъ же, къ сожалѣнію немногихъ уже, мѣстахъ, какъ Новая Гвинея, они и не смѣютъ селиться иначе, какъ вдоль по узкой береговой полосѣ. Тамъ, въ глубинѣ лѣсовъ, надъ опушкой которыхъ, надъ самымъ берегомъ, высоко паритъ въ воздухѣ красивѣйшая приморская птица, фаэтонъ, еще грозно свѣтятъ своими глазами курчавые папуа, по-прежнему наклонные возобновлять зловѣщія пиршества человѣкоѣденія.

Здѣсь, въ лагунныхъ моряхъ изумруднаго Самоа, уже давно не совершаются эти чудовищныя торжества. Но когда о нихъ говоришь съ какимъ-нибудь немолодымъ самоанцемъ, въ глазахъ

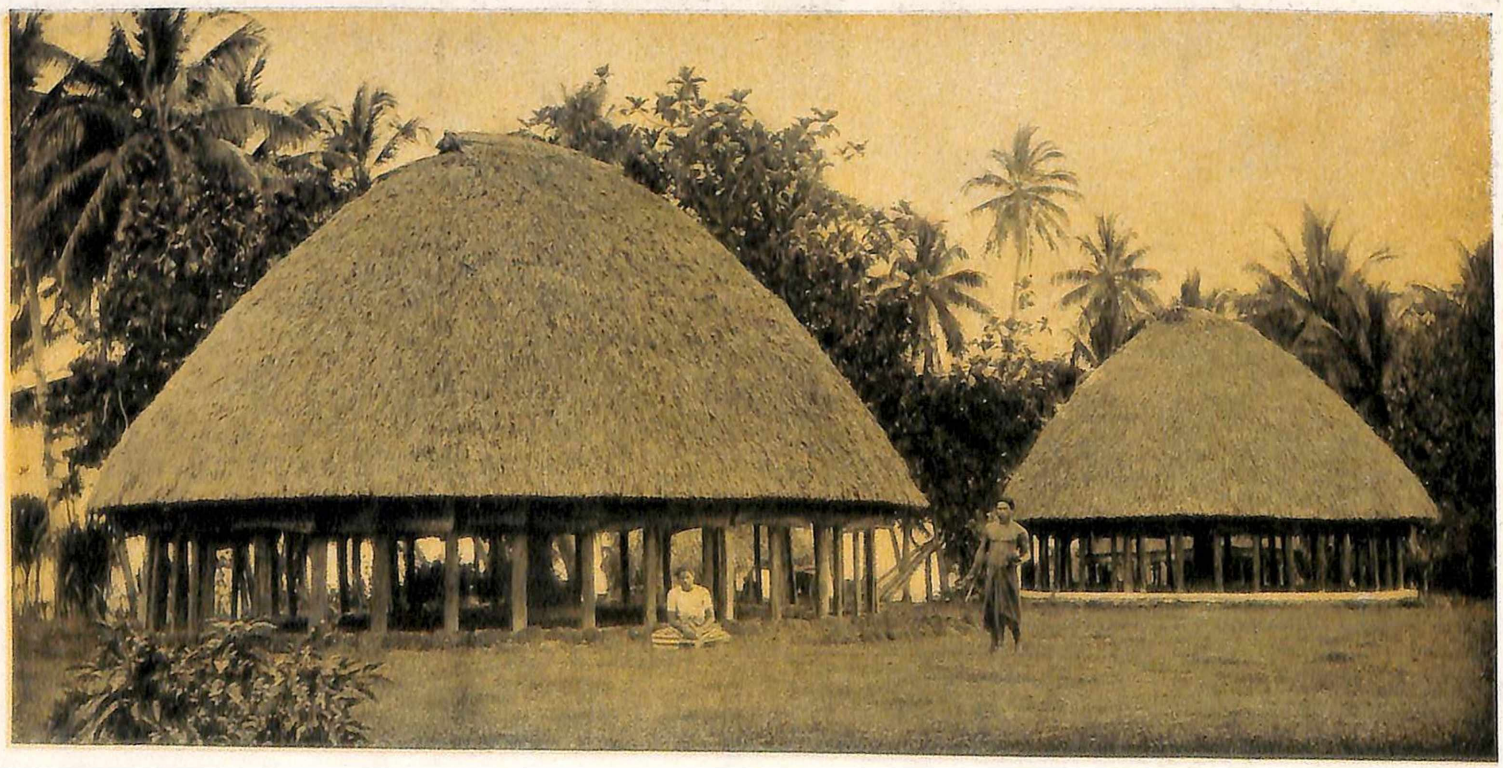


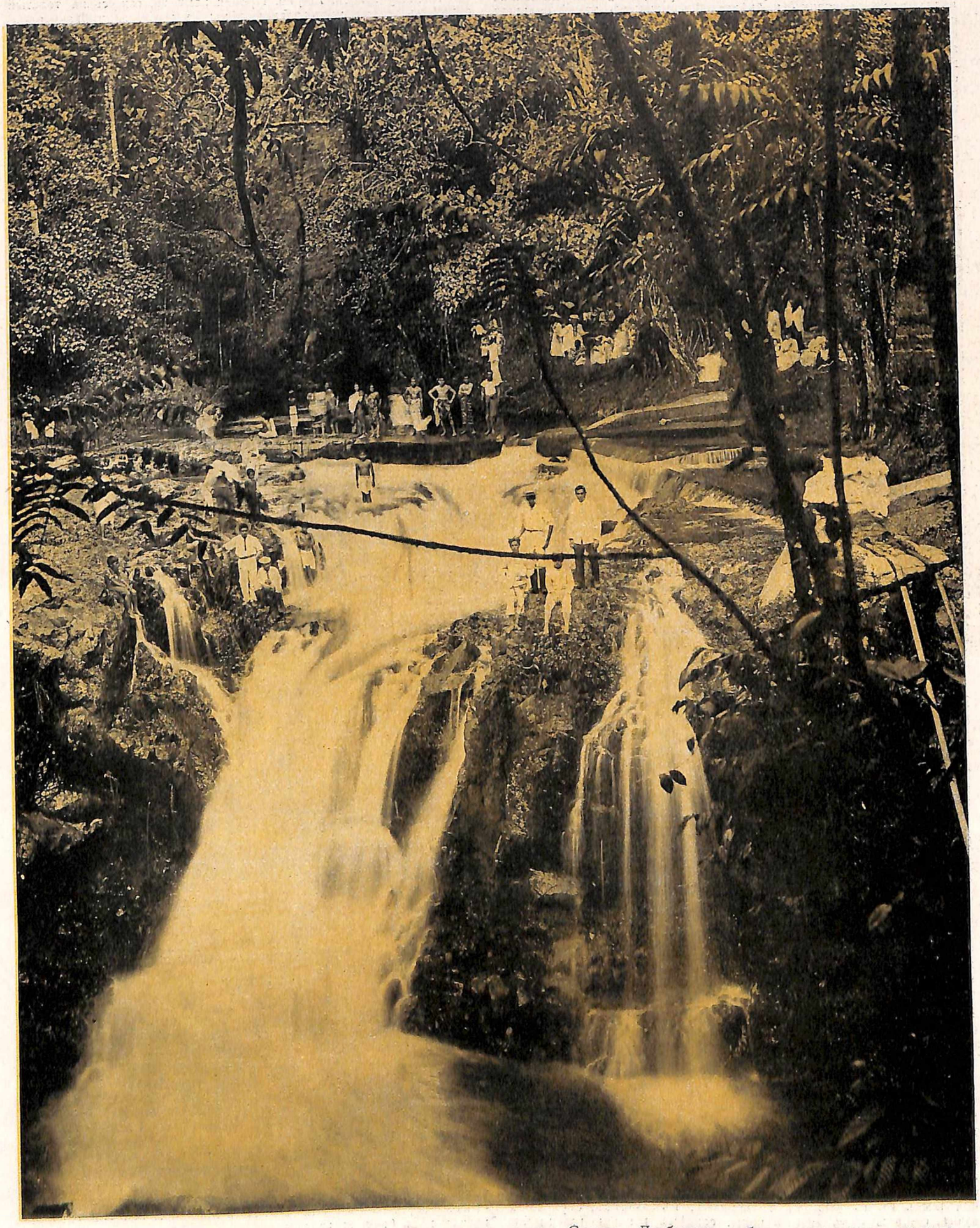
Мѣстныя пирòги въ бухтѣ Апіи, на Самоа.

его странная утайка. Ее разгадать трудно. Не только это извѣстная степень обиды на европейца, ранящаго неосторожнымъ вопросомъ туземную впечатлительность, но и какое-то смутное воспоминаніе о чемъ-то очень далекомъ, что непонятно вотъ этому чужому, но что навѣрно понятно ему, цвѣтному сыну Полинезіи.

Три постоялыхъ двора, именующіеся отелями, скорѣе забавны. Одинъ нѣмецкій, гдѣ я поселился, онъ дешевле; другой—англійскій, съ притязаніями, главное изъ нихъ билліардная; третій—неописуемая малая харчевня американскаго образца. Мой отель, какъ всякій здѣсь, есть въ точности постоялый дворъ. Нѣсколько ком-

Самоанская деревня.





Водопадъ въ тропическомъ лѣсу на одномъ изъ остр. Самоа. Любимая забава туземцевъ—падать внизъ вмѣстѣ съ водою.

натъ при кабачкѣ, всѣ безъ оконъ, лишь со стеклянной дверью на балконъ. Спать приходится съ открытой дверью, лишь занавѣсивъ входъ самоанской цыновкой, на которой въ изящномъ строѣ протянулись геометрическія фигуры, линейная символика волнъ, рыбъ, раковинъ и звѣздъ. Въ нижнемъ этажѣ большая сараеподобная зала, гдѣ уныло ѣдятъ прежалостную пищу нѣсколько европейцевъ, не свыше пятнадцати, но чаще пять. Самоанцы въ своихъ круглыхъ сквозныхъ домахъ живутъ красивѣе и здоровѣе, чѣмъ европейцы, и питаются лучше. Наловивъ рыбы, они не продаютъ ея, а поѣдаютъ сами. Въ этой стройной залѣ, въ дни пріѣзда кораблей, устраиваются фестивали съ плясками, а иногда и съ побоищами, какъ бы въ предчувствіи будущихъ войнъ.

Въ библіотечной комнатѣ, гдѣ я пишу, нѣсколько столовъ: этажерки, шкафы съ томами энциклопедіи и убогими романами, бюсты Гете и Шиллера—о, гимназія!—а на стѣнахъ портреты, Шекспира, Бисмарка, Цеппелина и основателя отеля. Стильно.

Стеклянныя двери выходятъ на балконъ. Море передъ глазами. И цѣлый день-деньской толкутся внизу голые самоанцы въ своихъ надбедренникахъ, сіяя золотистыми счастливыми тѣлами, которыя такъ же у мѣста на этомъ побережьѣ, какъ синія волны, опаловыя раковины, кокосовыя пальмы, бамбуковыя рощи.

* * *

Я просыпаюсь въ 8 часовъ утра. Жаль, что европеецъ силенъ во мнѣ, и я не встаю съ солнцемъ. Цѣлый міръ картинъ и впечатлѣній пропадаетъ, и видишь ихъ, и ощущаешь ихъ лишь случайно, только изрѣдка. Надѣваю на босыя ноги туфли, а поверхъ ночной рубашки накидываю купальный халатъ, вздыхаю и въ столь откровенномъ видѣ спускаюсь по главной лѣстницѣ. Иногда на ней стоятъ и разговариваютъ дамы и дѣвицы. Что жъ, немножко неловко, но въ общемъ, по существу, мы всѣ вѣдь здѣсь дѣти солнца, и стыдиться благороднаго своего тѣла зачѣмъ же? Направляюсь къ нѣкоторымъ задворкамъ, въ закутокъ, беру тамъ душъ, оживаю подъ токомъ воды, совсѣмъ изгоняю изъ мысли зыбкія ночныя сновидѣнія, гдѣ дальное переплескивало въ близкое, возвращаюсь въ свою душную комнату и, одѣвшись въ чесучу или во все бѣлое, опускаюсь внизъ и завтракаю. Служитъ мнѣ китаецъ, тихій, ласковый юноша. Ѣмъ какіе-то желтые плоды, въ родѣ нашей дыни, неизбѣжныя яйца всмятку, пью чай. Черезъ минуту говорю китайцу по-русски: „еще чашку чаю". Онъ смѣется и приноситъ мнѣ еще чашку чаю.

Выхожу гулять. Жарко. Пройдя немного, сажусь на толстый обрубокъ дерева, подъ зеленою тѣнью, у моря, закуриваю папироску, и чувствую, что для того, чтобы не потерять благодушія, не нужно двигаться. Посидѣвъ такъ, возвращаюсь на свой балконъ и вижу, что комната моя еще не убрана. Это каждый день.

— Марія! — обращаюсь я къ самоанкѣ, которая слоняется, ничего не дѣлая, и укоризненно показываю на мою комнату.

— Хорошо, мистеръ,—говоритъ она на своемъ изумительномъ англійскомъ языкѣ. Съ усмѣшкой дергаетъ меня за рукавъ, съ ужимкой беретъ съ комода папиросу и, закуривъ ее, усаживается на стулъ, а чаще на постель, ибо это мягче. Но это мало подвигаетъ дѣло впередъ. Убѣждать Марію, Малію по-самоански, въ

Самоанская красавица.

чемъ бы то ни было совершенно безполезно. Я беру книгу и ухожу въ читальню.

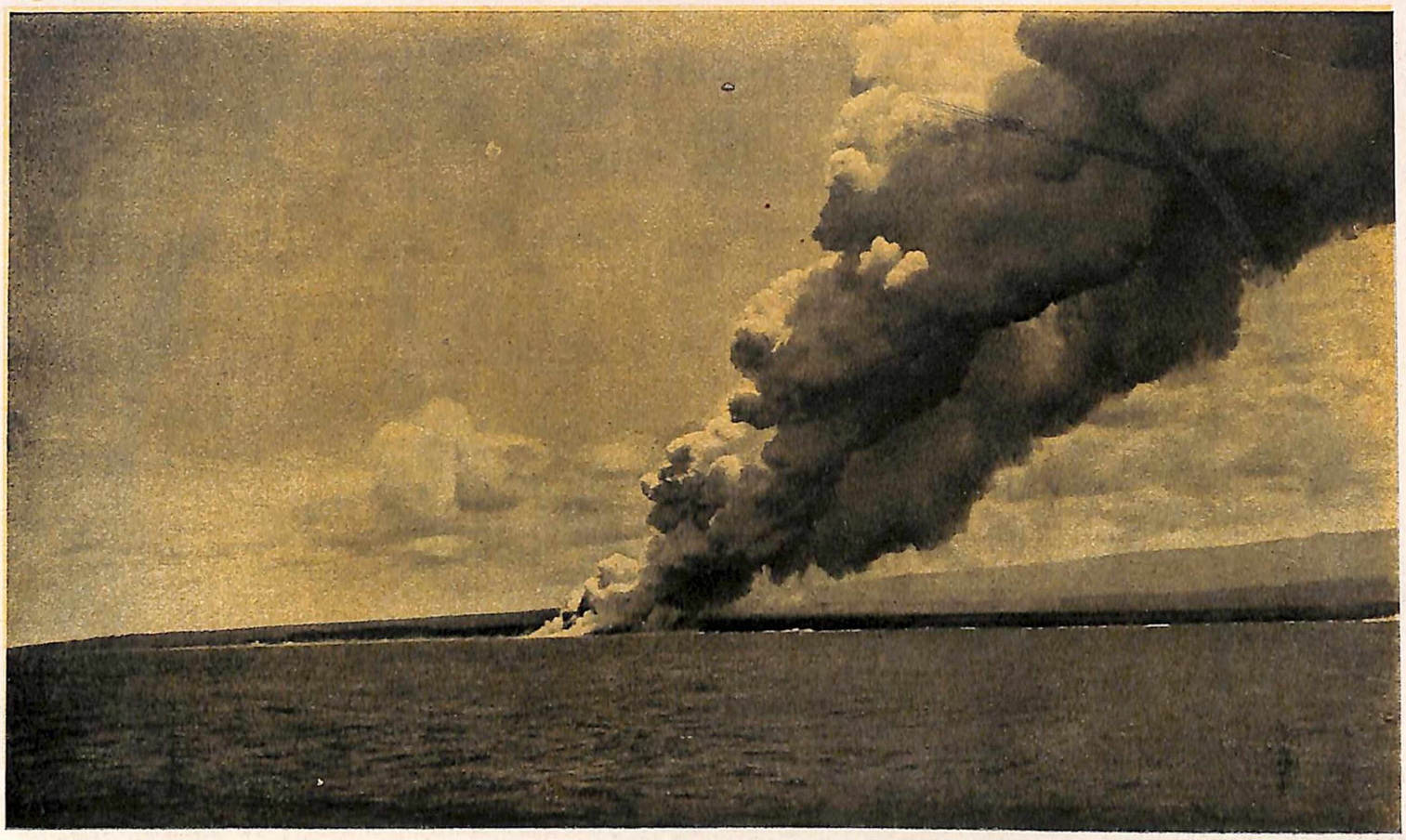
* * *

Иногда всхожу, минуя водопадъ и бамбуковую рощу, на высокую крутую гору, гдѣ схороненъ Стивенсонъ, жившій на Самоа нѣсколько лѣтъ, овладѣвшій самоанскимъ языкомъ и сумѣвшій внушить самоанцамъ большую любовь къ себѣ, такъ что, когда онъ умеръ, они по собственной волѣ отнесли тяжелый гробъ на эту крутую вершину, откуда широкій, плѣнительный видъ на коралловыя лагуны и залитый солнцемъ, переливающійся вольный океанъ. Около гробницы Стивенсона всегда цвѣтутъ красные и золотые цвѣты. Такой могилы пожелалъ бы себѣ любой викингъ, блуждающій по морямъ.

Послѣ обѣда новая прогулка въ многозвѣздной ночи, когда пальмы такъ таинственны, а море шелеститъ такъ узывчиво и такъ напоминательно. Самоанцы долго сидятъ въ своихъ открытыхъ домахъ. Я знаю, что они бездѣльники, и вижу черезъ вѣтви, что они играютъ въ карты. Во всемъ тишина, довольство и покой, какъ у насъ бываетъ въ юности.

* * *

Снова жарко. И снова душно. И вовсе жарко. Всякій холодъ лучше этой ошеломляющей жары. Въ холодѣ неуютно, но мысль



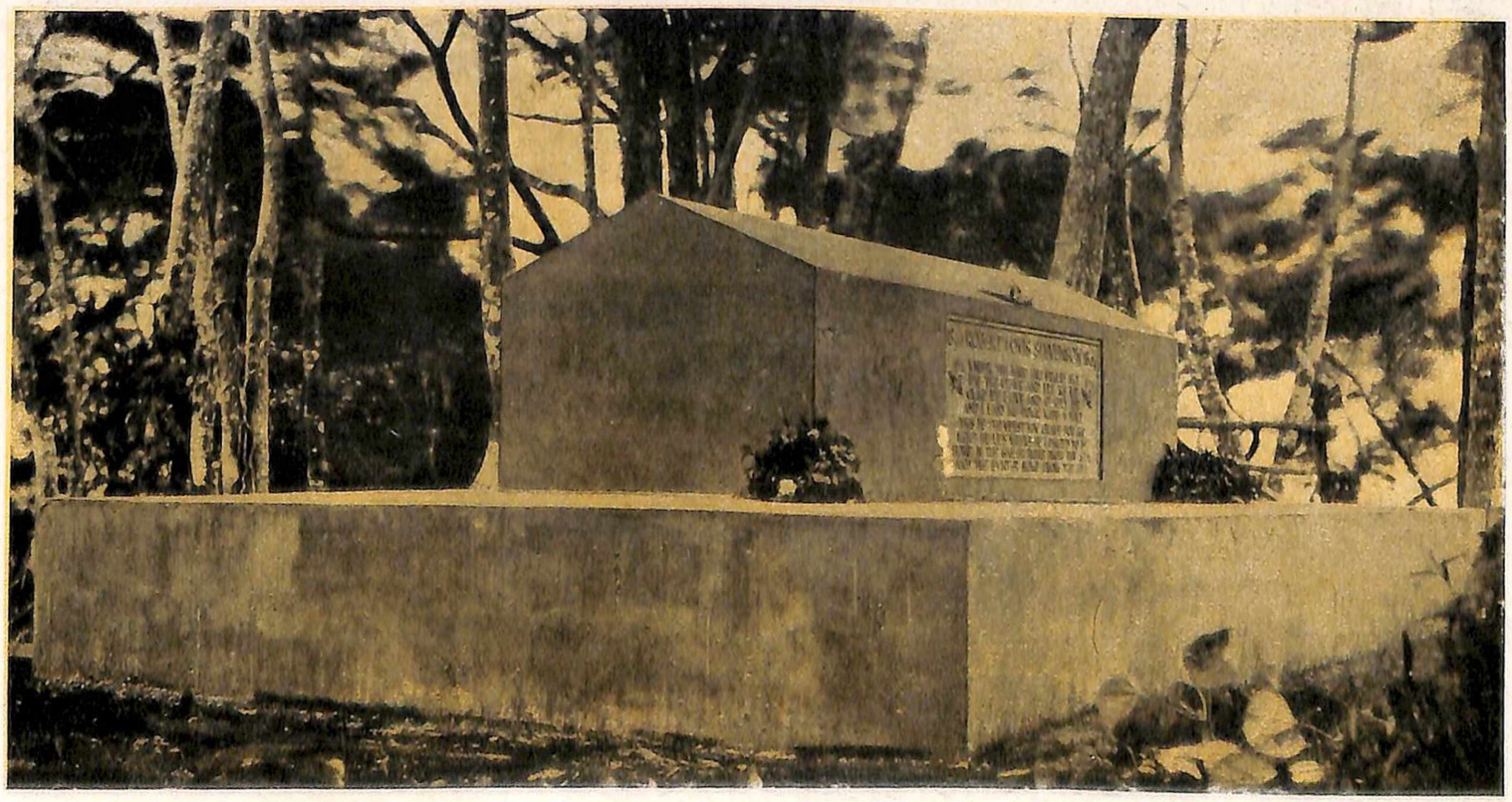
Вулканъ на одномъ изъ острововъ Самоа. Лава течетъ въ море, и всегда стоитъ громадный столбъ пара...

не убита. А здѣсь я съ утра до вечера въ оцѣпѣненіи. Ни читать, ни писать, ни гулять, ничего нельзя дѣлать,—а я европеецъ, я дѣйственный. Помимо дѣланія чего-нибудь—что же еще есть въ этомъ мірѣ?

И вотъ изможенный я сижу на сѣдомъ пнѣ у взморья и смотрю, какъ мелькаютъ рыбы въ мелководьѣ, какъ тихонько дрожитъ, заплеснувши, волна. Надо мною дерево съ бѣлыми цвѣтами, крупныя раскрытыя чаши съ дурманнымъ духомъ. Какъ называется это дерево? Не знаю. Забылъ. Все забылъ. Всѣхъ забылъ. Хочу встать, не могу. Хочу овладѣть своей мыслью. Но развѣ можно назвать мыслью то дремотное мечтаніе, которое упорно цѣпляется за вопросъ: почему эти пальмы такъ обрамляютъ все длинное морское побережье? Почему они тянутся къ морю и къ солнцу? Почему?

Такъ снова пройдутъ часы. И лишь когда послѣ краткаго заката опять глянетъ ночь съ своимъ множествомъ звѣздъ, какого не увидишь тамъ въ Европѣ никогда, я, какъ тѣнь, иду по взморью, возлѣ призрачныхъ пальмъ, овладѣвающихъ душой музыкально, какъ музыкой поютъ въ душѣ колонны Египетскаго храма, и въ душѣ поетъ стихъ.

Гробница Стивенсона въ Апіи, на о. Самоа.



„Орхидея"—рис. С. Лодыгина.

„СѢВЕРНЫЙ ЦВѢТОКЪ“.

Твоя красою блещетъ младость,
Ты на любовь сердцамъ дана,
Свѣтла, плѣнительна какъ радость
И какъ задумчивость нѣжна.
Твой голосъ, гибкій и прелестный,
Намъ вѣетъ музыкой небесной,
И сладкой томностью своей
Любимой пѣсни онъ милѣй.
Но что такъ сильно увлекаетъ?
Что выше дивной красоты?
Ахъ! Тайна въ томъ: она плѣняетъ
Какимъ-то чувствомъ доброты.
Въ лицѣ прекрасномъ, бѣлоснѣжномъ
И въ алыхъ розахъ на щекахъ,
Вездѣ все дышетъ сердцемъ нѣжнымъ.
Оно и въ голубыхъ очахъ,
Оно въ улыбкѣ на устахъ...

Такъ восхищался графинею Е. М. Завадовской И. И. Козловъ. Въ этой женщинѣ, одной изъ самыхъ блистательныхъ представительницъ большого свѣта пушкинской эпохи, было въ самомъ дѣлѣ что-то поднимавшее душу. Sursum corda!—какъ бы говорила ея красота. Князь П. А. Вяземскій, получивъ отъ нея въ подарокъ нѣсколько перьевъ, писалъ ей:

...Въ одни часы высокихъ откровеній
И безкорыстныхъ думъ и стройныхъ впечатлѣній,
Столь чистыхъ, какъ душа чиста,
Когда затеплятся въ ея прозрачномъ лонѣ
Мечты, какъ искры звѣздъ на свѣтломъ небосклонѣ,
Иль улыбается, какъ солнце, красота;
Въ часы, когда небесъ доступна намъ вершина,
Когда вокругъ души утихнетъ жизни шумъ,
И въ мысль одну и въ звукъ единый
Сольются звучные потоки чувствъ и думъ,
Тогда присвою я даръ, вами освященный,
И, въ красотѣ признавъ поэзіи права,
Я вырву изъ души стихъ свѣжій, вдохновенный,
Я душу облеку въ слова...

Графиня Елена Михайловна Завадовская, рожд. Влодекъ.

(Съ гравюры изъ альманаха „Утренняя Заря“ 1842 г.).

Въ ореолѣ этихъ поэтическихъ отзывовъ предстоитъ потомству прекрасный, изящный образъ графини Завадовской.

Графиня Елена Михайловна Завадовская, дочь генерала-отъ-кавалеріи, ген.-адъютанта Мих. Ѳеодор. Влодека (1780—1849) и жены его, фрейлины Александры Димитр., рожд. граф. Толстой (1785—1847), происходила изъ старинной подольской дворянской семьи, родилась 2 дек. 1807 г., рано расцвѣла и на семнадцатомъ году вышла за графа Завадовскаго. 1 ноября 1824 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, извѣщая его, что вскорѣ выйдетъ альманахъ „Сѣверные Цвѣты“:—„одинъ сѣверный цвѣтокъ, и прекраснѣйшій, вчера сорванъ графомъ Завадовскимъ“ („Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“, III, 90).

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій (род. въ 1798 г.) былъ младшій сынъ фаворита Екатерины II графа Петра Васильевича, министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I и хозяина знаменитыхъ Ляличей. Елена Михайловна должна была быть счастлива съ нимъ. Графъ былъ очень богатъ и красивъ подъ стать своей женѣ. „Это была“—разсказываетъ современникъ („Русс. Арх.“ 1865, ст. 409)—„чета такихъ красавцевъ, какую трудно вообразить себѣ тому, кто не видалъ ихъ... Прекрасная и щегольская его наружность была не пустою вывѣскою: подъ ней скрывались доброта сердечная, самый пріятный умъ и благородная душа,—нельзя было не любить этого любезнаго человѣка“. О благородствѣ Василія Петровича свидѣтельствуетъ роль, которую сыгралъ онъ въ жизни молодого Пушкина. Въ 1818 г. поэтъ написалъ извѣстную „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, въ которой многихъ задѣлъ, посмѣялся между прочимъ и надъ „Завадовскаго щедростью“. Пушкину грозили очень серьезныя непріятности, но Завадовскій объявилъ себя авторомъ стиховъ и принесъ извиненіе товарищамъ, выгородивъ такимъ образомъ поэта изъ довольно тяжелой исторіи („Русс. Стар.“ 1909, апр., 192—197). „Человѣкъ прекрасно образованный и съ превосходными душевными качествами“ (В. В. Голубцовъ, „Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго“—„Русс. Арх.“ 1887, I, 127).

Богатство мужа, красота и семейныя связи быстро доставили молодой женщинѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, и она стала одной изъ аккредитованныхъ, общепризнанныхъ столичныхъ красавицъ, блистала на балахъ (мимолетныя упоминанія о ея свѣтскихъ успѣхахъ встрѣчаются въ перепискѣ Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ). Въ 1836 г., когда въ Петербургъ пріѣхала извѣстная московская красавица А. А. Кирѣева, рожд. Алябьева, Вяземскій писалъ Тургеневу, что ее сравнивали только съ такими безспорными величинами, какъ Завадовская и Н. Н. Пушкина. Нѣкто, видѣвшій ее въ началѣ тридцатыхъ годовъ, разсказываетъ, что она „слыла за первую красавицу при Дворѣ и дѣйствительно представляла собою роскошную фигуру Юноны. Графъ Завадовскій казался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, хотя и записался въ дэнди немножко поздно. Онъ пригласилъ меня навѣщать его по утрамъ. Графъ Вьельгорскій сказалъ мнѣ: „слушай, не ходи туда! артистическая душа не можетъ спокойно созерцать такую прекрасную женщину, я испыталъ это на себѣ“ („Приключенія лифляндца въ Петербургѣ“—„Русс. Арх.“ 1878, I, 451). Козловъ обращается къ ней:

...Часто, о тебѣ мечтая,
Тебя я вижу на пирахъ,
Гдѣ ты, о фея молодая,
У всѣхъ и въ думахъ, и въ сердцахъ!
Я вижу взоръ очей огнистыхъ
И волны локоновъ душистыхъ
На бѣломраморныхъ плечахъ,
Иль вдругъ стремлюсь я за тобою
Къ зеленымъ Невскимъ островамъ,
Брожу въ раздумьѣ по садамъ,
Смотрю, какъ ты порой ночною
По зыбкой, дремлющей рѣкѣ,

Осеребренной ужъ луною,
Летишь въ уютномъ челнокѣ,
И твой челнокъ волна лелѣетъ,
И вѣтерокъ привѣтно вѣетъ,
И свѣтитъ радостнѣй луна—
Тобой любуется она...

Завадовская часто навѣщала несчастнаго слѣпого и больного поэта. „Я не могу выразить, какъ она чаруетъ мое сердце“,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ:—„красота, очаровательный голосъ, она полна какой-то притягательной силы, прелестной граціи... Я люблю эту милую графиню Завадовскую, какъ любятъ прекрасную и нѣжную розу, которой благоуханіе проникаетъ въ душу“ (К. Я. Гротъ, „Дневникъ И. И. Козлова“, СПб., 1906, стр. 18, 19). А. И. Тургеневъ писалъ ему изъ Парижа въ 1835 г.: „если красавица графиня Завадовская по-прежнему навѣщаетъ тебя, то скажи, что первый вопросъ мой (маршалу Мезону, недавно вернувшемуся изъ Петербурга) былъ о ней... Не забудь пожать нѣжно пухлую ручку невской красавицы“ („Русс. Арх.“ 1886 г., I, 135).

Въ 1828 г. у Завадовскихъ родился сынъ. Козловъ воспѣлъ материнство Елены Михайловны.

...Любимое мечтанье,
Моей души очарованье,—
Тебя въ тотъ часъ воображать,
Какъ все забывъ, младая мать,
Съ твоимъ младенцемъ ты играешь,
Его ты къ сердцу прижимаешь,
А онъ, невинностью цвѣтя,
Смѣется, милое дитя,
И у тебя взоръ нѣжный блещетъ
Сквозь слезы радостью живой,
И грудь лилейная трепещетъ
Любовью тихой и святой.

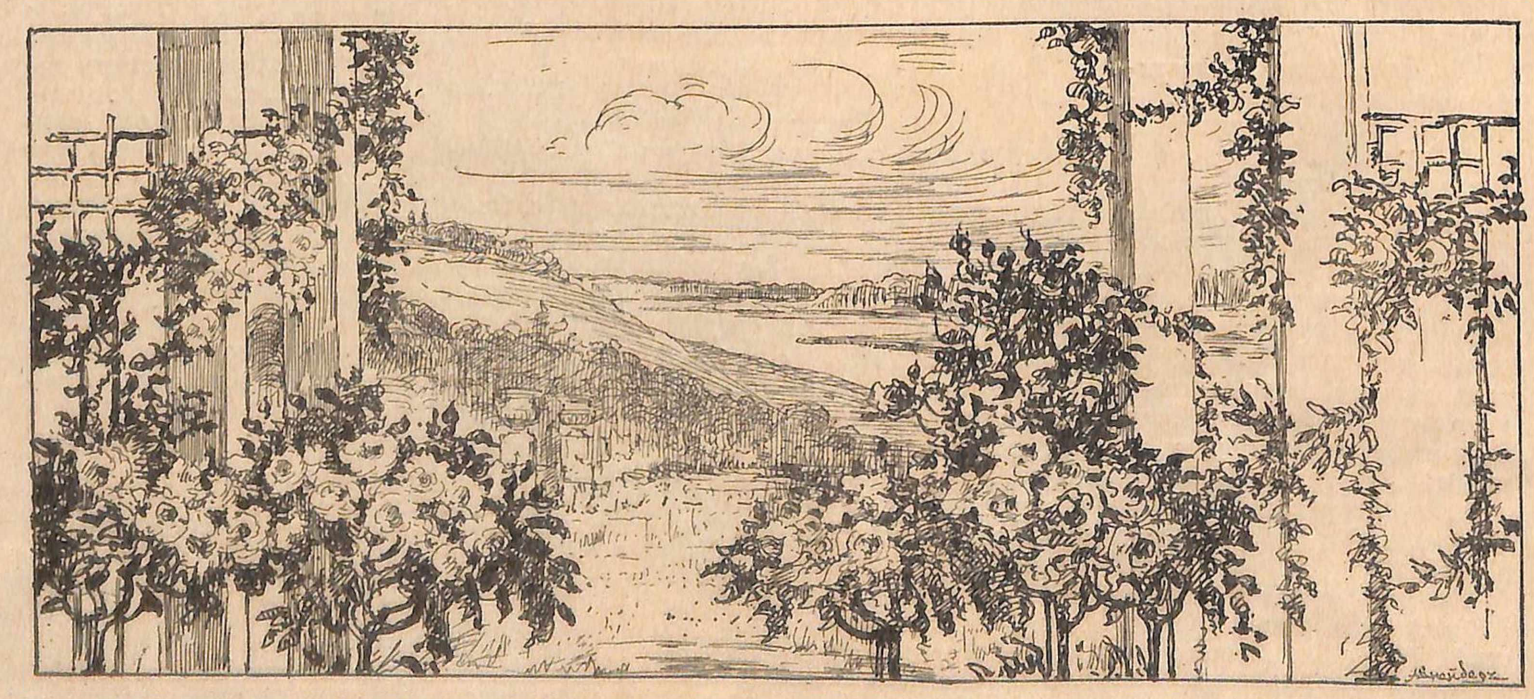
Но графъ Петръ Завадовскій, который долженъ былъ унаслѣдовать отцовское состояніе и явиться продолжателемъ рода, умеръ четырнадцати лѣтъ, въ Неаполѣ; тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ впослѣдствіи рядомъ съ нимъ легли отецъ и мать.

Оба супруга до безумія любили роскошь и въ тратахъ удержу не знали. Въ 1838—1839 гг., передаетъ современникъ, они „отдѣлали великолѣпнѣйшимъ образомъ двухъэтажный домъ графини, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построенъ теперь Пассажъ графа Штейнбока. Отдѣлка его стоила, какъ говорили, до двухъ милліоновъ ассигнаціями. Мебель и разныя убранства выписаны были изъ Англіи. Домъ этотъ ѣздили смотрѣть какъ диво и незнакомые хозяевамъ люди, разумѣется, съ ихъ согласія, получавшагося черезъ общихъ знакомыхъ“ („Русс. Арх.“ 1865 г. ,ст. 410). Сынъ Козлова и Жуковскій тоже осматривали палаццо Завадовскихъ. „Это—перлъ художественнаго изящества и тонкаго вкуса во всѣхъ мелочахъ, начиная съ лѣстницы. Залы Людовика XIV и XV отличаются роскошью и законченностью; кабинетъ ея восхитителенъ. Жуковскій сказалъ: „такъ хорошо и мило, и изящно-красиво, что не знаешь, какъ и быть,—развѣ взять ноги въ руки“ (Дневникъ Козлова, стр. 31).

Смерть единственнаго дитяти какъ будто заставила супруговъ отказаться отъ всякихъ надеждъ и плановъ на будущее и страстнѣе отдаться головокружительному вихрю свѣтской жизни, и состояніе Завадовскихъ стало замѣтно таять. Даже такой далеко не скупой человѣкъ, какъ князь А. И. Барятинскій, называлъ графа Василія Петровича „старымъ расточителемъ“. Онъ оставался великолѣпнымъ bel homme, ея красота не увядала. „Блескъ, которымъ одарила ихъ природа, они старались поддерживать и усиливать вспомогательнымъ и дорого стоющимъ блескомъ. Дѣла и средства графа Завадовскаго разстроились до такой степени, что онъ вынужденъ былъ рѣшиться на продажу своего родового имѣнія“ (Записки В. А. Инсарскаго—„Русс. Стар.“ 1894, іюнь, 35, 42). Въ 1855 г. графъ Василій Петровичъ умеръ. Годъ спустя не стало и его старшаго брата, графа Александра Петровича (это тотъ Завадовскій, которому Пушкинъ отводилъ такую интересную роль въ программѣ задуманнаго романа „Русскій Пеламъ“, и который убилъ на дуэли кавалергарда В. В. Шереметева изъ-за танцовщицы Истоминой). Съ нимъ угасъ графскій родъ Завадовскихъ.

Елена Михайловна все еще оставалась прекрасна. „Сѣверный цвѣтокъ“ еще долго сопротивлялся времени. Графъ М. Д. Бутурлинъ видѣлъ въ 1860 г. ее, „бывшую изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ лѣтъ тридцать передъ тѣмъ и все-таки мало измѣнившуюся въ этомъ 1860 году“. Ей было тогда пятьдесятъ три года. Умерла она 22 марта 1874 г.

Н. Лернеръ.



А. П. Шнейдеръ. Декоративное панно. (Музыкальная комната въ Троицкомъ, им. М. М. Скарятиной, Малоархангельскаго у. Орловской губ.)

ТАЙНЫ АНТИКВАРОВЪ.

Въ первые мѣсяцы войны на антикварномъ рынкѣ возникла паника. Люди, жившіе и торговавшіе прошлымъ, были ошеломлены настоящимъ, и художественная старина серьезно подвергалась риску на нѣкоторое время совершенно обезцѣниться. Но затѣмъ коллекціонеры пришли въ себя, а вмѣстѣ съ ними ожили и антиквары, и въ пустовавшихъ лавкахъ снова появились покупатели. Понятно, ихъ было не столько, сколько прежде,—война все-таки не могла не отразиться на этой отрасли промышленности,—но во всякомъ случаѣ на антикварномъ рынкѣ сдѣлки возобновились.

Въ настоящее же время, къ изумленію самихъ антикваровъ, интересъ къ художественной старинѣ еще болѣе повысился. Появился большой спросъ на фарфоръ, мебель и бронзу, а въ связи съ этимъ всякіе раритеты сильно поднялись въ цѣнѣ, точно предметы первой необходимости.

Сильно разбогатѣвшій спекулянтъ, дѣлецъ, поставщикъ или посредникъ, еще недавно ютившійся гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ или на Выборгской сторонѣ, спѣшитъ, какъ можно скорѣе, получше украсить свою новую квартиру на Сергіевской, куда только на дняхъ привезли изъ магазина мебель. Она еще пахнетъ свѣжимъ лакомъ, этажерки и шкафчики пустуютъ, а стѣны совершенно голыя. Разбогатѣвшій выскочка, естественно, опасается, что каждому бросится въ глаза отсутствіе мелочей, утверждающихъ давность всей обстановки. А кромѣ того, онъ что-то такое слышалъ объ искусствѣ, о художественныхъ вещахъ и знаетъ, что „теперь это принято въ хорошихъ домахъ“.

— Намъ надо *тоже* начать собирать старинныя вещи,—говоритъ онъ въ минуту сладостнаго подъема отъ своего внезапнаго благополучія.

Онъ ровно ничего въ этомъ не понимаетъ, но, къ счастью, имѣются антикварныя лавки, гдѣ подобраны всякія „бездѣлушки“, давно его поджидающія.

На этой почвѣ и создался новѣйшій изъ анекдотовъ, какъ одинъ изъ такихъ parvenus, показывая своему гостю только что пріобрѣтенные раритеты, гордо заявляетъ:

— Это настоящій имитасіонъ!

Къ счастью для этихъ скороспѣлыхъ коллекціонеровъ,—имъ и въ этомъ везетъ!—теперь закрыты границы. Вотъ бы когда наступилъ золотой расцвѣтъ „настоящаго имитасіона“, имѣющаго свою индустрію—своихъ фабрикантовъ, коммивояжеровъ и цѣлую сѣть агентовъ. Впрочемъ, этотъ расцвѣтъ, вѣроятно, наступитъ послѣ войны.

* * *

Самая крупная изъ такихъ фабрикъ „имитасіона“ находится въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Искусство ея мастеровъ настолько велико, что даже знатоки испытываютъ благоговѣйный трепетъ передъ такими поддѣлками. Такъ, разсказываютъ про одного извѣстнаго французскаго художника, что онъ однажды до того восхитился художественностью работы поддѣланныхъ подъ его манеру рисунковъ, что рѣшилъ поощрить талантъ поддѣлывателя и скрѣпилъ рисунки своей подписью.

Главными покупателями этихъ поддѣлокъ съ давнихъ поръ являются англичане и американцы. Въ большинствѣ случаевъ, особенно, когда поддѣланная вещь увозится въ Америку, тайна ея остается нераскрытой. Боязнь попасться и оскандалиться очень мало тревожитъ американца: его посѣтители и знакомые разбираются въ художественной старинѣ еще меньше, чѣмъ онъ, и подлинность вещи врядъ ли кѣмъ-нибудь будетъ оспариваться. Поэтому американецъ самый желанный у антикваровъ покупатель: что разъ къ нему попадетъ, то ужъ больше никогда къ продавцу не вернется. А вотъ съ европейскимъ покупателемъ иногда случаются конфликты, и продавцу иной разъ приходится съ горькой миной получать проданныя вещи обратно и не доводить дѣла до суда, чтобы не разгласить тайны корпораціи антикваровъ, имѣющихъ свои понятія о чести.

Незадолго до войны на озеро Комо пріѣхалъ одинъ богатый англичанинъ. Въ Белладжіо, которое уже давно слыветъ какъ складочное мѣсто всевозможныхъ антиковъ, онъ нашелъ Распятіе, надгробный памятникъ, кресло епископа, алтарь и чашу для святой воды IV столѣтія. Послѣ долгаго торга англичанинъ покупаетъ эти вещи за 75 тысячъ лиръ и везетъ ихъ въ Парижъ. Тамъ знатоки тотчасъ же заявляютъ ему, что онъ влопался: вещи поддѣланы. Тогда англичанинъ требуетъ, чтобы ему вернули деньги. Антикваръ, скрѣпя сердце, соглашается. Но англичанинъ этимъ не удовлетворенъ и требуетъ еще возмѣщенія всѣхъ расходовъ по перевозкѣ и покупкѣ вещей.

Дѣло доходитъ до суда. Судъ присуждаетъ всѣ эти издержки, но во время судебнаго разбирательства обнаруживается, что древности дѣйствительно принадлежали одной старинной церковкѣ, хотя и не IV столѣтія, а нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, и были оттуда выкрадены. Давность, правда, миновала, и поэтому антиквару не только ничто не угрожаетъ, но онъ еще получаетъ свои вещи обратно. На вопросъ суда, какъ могъ онъ рѣшиться купить краденое, антикваръ заявляетъ, что покупалъ эти вещи въ твердомъ убѣжденіи, что онѣ не настоящія, и благодаритъ судъ, установившій ихъ подлинность. Послѣ этого онъ продаетъ Распятіе, алтарь, кресло епископа и чашу по другой оцѣнкѣ, значительно превосходящей первоначальную.

Слѣдуетъ замѣтить, что сами антиквары обычно покупаютъ художественную старину по очень дешевой цѣнѣ, и когда наталкиваются на рѣдкость, оцѣненную владѣльцемъ высоко, то всячески стараются обезцѣнить ее указаніемъ, что она не настоящая.

Характерный въ этомъ родѣ случай произошелъ недавно въ Россіи. Нѣкій антикваръ узнаетъ, что у одной дамы имѣется замѣчательной работы столикъ эпохи Людовика XVI, осматриваетъ его и убѣждаетъ владѣлицу продать ему этотъ столикъ за 3000 рублей. Дама соглашается, но, случайно узнавъ, что въ Петроградѣ живетъ страстный коллекціонеръ графъ N, который можетъ заплатить ей гораздо больше, отказывается отъ сдѣлки и рѣшаетъ съѣздить въ столицу. Тогда антикваръ подсылаетъ къ ней человѣка, который называетъ себя графомъ, будто бы прослышавшимъ объ имѣющихся у нея старинныхъ вещахъ. „Графъ“ съ интересомъ осматриваетъ ея картины и мебель, но на столикъ не обращаетъ никакого вниманія, и на вопросъ владѣлицы, каково его мнѣніе объ этой вещицѣ, равнодушно заявляетъ, что поддѣлокъ, хотя бы и искусныхъ, не признаетъ, и что цѣна столику рублей 200—300. Мнѣніе знатока заставляетъ даму поторопиться съ продажей столика антиквару, который затѣмъ получаетъ за него огромную сумму.

Кромѣ фабрикъ старинной мебели и церковной утвари, имѣется еще „монетный дворъ“ для выдѣлки старинныхъ монетъ, греческихъ и римскихъ. Онъ находится въ Неаполѣ. Тамъ же выдѣлываются старинныя украшенія — перстни, камеи и брошки, а также статуэтки.

Поддѣлыватели картинъ, особенно старинныхъ, имѣются во многихъ большихъ городахъ Европы,

въ томъ числѣ и въ Петроградѣ. Здѣсь успѣшно дѣйствуетъ художникъ В—чъ, забросившій свое несомнѣнное дарованіе оригинальнаго художника ради матеріальныхъ выгодъ поддѣлывателя.

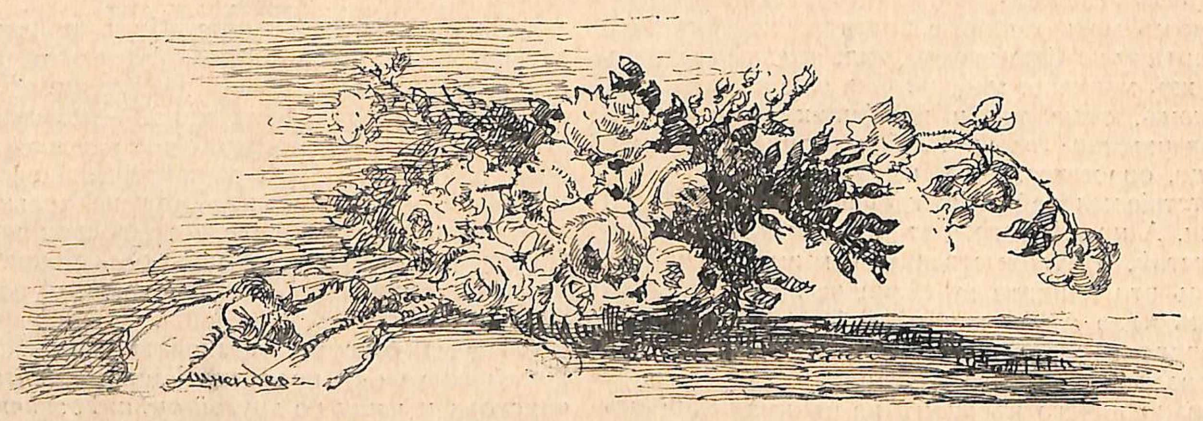
За послѣднее время въ Германіи возникло нѣсколько новыхъ подобнаго же рода предпріятій, имѣющихъ своей задачей поддѣлывать старинныя гравюры. Установить такую поддѣлку очень трудно, для этого требуется большой опытъ и знакомство съ водяными знаками, имѣющимися на каждой старинной бумагѣ.

Ржавый цвѣтъ поблекшихъ чернилъ, подписи, даты и монограммы поддѣлываются безъ особаго труда, и поэтому онѣ легко могутъ ввести въ заблужденіе даже знатока. Но вотъ старинную бумагу поддѣлать представляетъ уже большія затрудненія. Прокопченная дымомъ и пропитанная кофейнымъ отваромъ, она дѣйствительно по оттѣнку своему можетъ сойти за старинную, но зато камнемъ преткновенія явятся водяные знаки. По этому предмету возникла чуть ли не цѣлая новая наука, имѣющая свой словарь знаковъ. Онъ составился изъ данныхъ, собранныхъ группой любителей, обмѣнивавшихся другъ съ другомъ свѣдѣніями о своихъ находкахъ и наблюденіяхъ.

Три года назадъ во Франціи вызвало большой шумъ извѣстіе, что нѣкій антикваръ нашелъ подлинное завѣщаніе Людовика XVI, собственноручно написанное имъ во время пребыванія его въ заключеніи. Тщательное изслѣдованіе бумаги, на которой было написано завѣщаніе, обнаружило водяной знакъ, относящійся къ эпохѣ Людовика не XVI, а XVIII, и такимъ образомъ поддѣлка была изобличена.

Среди русскихъ гравюръ поддѣлки до сихъ поръ, кажется, не встрѣчались. Это объясняется тѣмъ, что фальсификаторы ими совершенно не интересуются, имѣя въ виду лишь международный художественный рынокъ.

В. Ирецкій.



Заставка А. П. Шнейдеръ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРІИ.

Исторія русской музыки вплоть до XIX вѣка представляла печальную картину длительнаго застоя или (начиная съ XVIII ст.) безсильнаго подчиненія низменнымъ вліяніямъ вырождавшейся итальянской музыки и ремесленнаго умѣнія малообразованныхъ музыкантовъ другихъ западныхъ странъ, попадавшихъ въ Россію. Высшіе образцы западноевропейской музыки различныхъ періодовъ ея развитія оставались у насъ неизвѣстными или извѣстными по названію, а талантливые молодые люди, которыхъ посылали заграницу для обученія музыкѣ, будучи лишены общаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ, пріобрѣтали сравнительно небольшія познанія и, за исключеніемъ развѣ Бортнянскаго, не оказали замѣтнаго вліянія на развитіе музыки въ Россіи. Русскій народъ таилъ въ себѣ богатые музыкальные задатки, но они проявлялись только въ видѣ непосредственныхъ изліяній въ пѣсняхъ, сопровождавшихъ русскаго человѣка отъ колыбели до могилы. Формы пѣсенъ, былинъ, духовныхъ стиховъ и т. д. вырабатывались непосредственнымъ художественнымъ чувствомъ, и самыя пѣсни не записывались, сохраняясь лишь въ устной передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому.

Въ XVIII вѣкѣ высшіе и вообще образованные классы русскаго общества болѣе или менѣе близко соприкасались съ европейской жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ европейской музыкой. Усвоивая большею частью лишь верхушки ученія, такъ называемыя „послѣднія слова науки", русскіе образованные люди поверхностно ознакомились и съ европейской музыкой, а болѣе талантливые между ними начали сами сочинять. Владѣя болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ развитіемъ и пользуясь независимымъ общественнымъ положеніемъ, эти диллетанты опередили мало развитыхъ русскихъ музыкантовъ и заняли господствующее положеніе въ русской музыкѣ.

Первая половина XIX столѣтія принесла русскому музыкальному искусству небольшую, но драгоцѣнную плеяду дѣятелей съ М. И. Глинкой во главѣ. Эти незабвенные дѣятели пробудили въ русскомъ обществѣ вниманіе къ серьезному искусству вообще и къ его національнымъ чертамъ въ частности. Какъ естественное слѣдствіе этого, явилось то, что съ одной стороны даровитые художники стали продолжать и дополнять все созданное начинателями культурной музыки въ Россіи, а съ другой стороны въ самомъ обществѣ народилась потребность въ учрежденіяхъ и кружкахъ, которые бы знакомили его съ величайшими художественными твореніями, и въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя давали бы контингентъ своихъ подготовленныхъ музыкантовъ и педагоговъ. Нужно было начать проводить въ русскую жизнь взгляды на искусство, основанные на точно установившихся эстетическихъ законахъ, которые позволяли бы сознательно относиться ко всякому новому явленію въ этой области.

И вотъ вторая половина истекшаго вѣка послужила временемъ начала широкаго развитія учрежденій и обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность отечественной музыкѣ. Несомнѣнно самымъ крупнымъ явленіемъ здѣсь надо считать возникновеніе и ростъ Императорскаго музыкальнаго общества, раскинувшаго свою дѣятельность по всей Руси.

Если добрымъ геніемъ Петроградской консерваторіи былъ Антонъ Рубинштейнъ, то Московской былъ — Николай Рубинштейнъ. Онъ положилъ начало Московской консерваторіи устройствомъ музыкальныхъ классовъ. Цѣль теоретическаго преподаванія музыки была слишкомъ мало понятна тогдашнему обществу, и первые успѣхи классовъ были далеко незавидны. Скоро, однако, и классы, постепенно расширяемые учредителями, завоевали себѣ болѣе или менѣе прочныя симпатіи. Постепенно открывались новыя отдѣленія: пѣнія, скрипки, віолончели, фортепіано. Въ концѣ 1865 г. преподавателемъ гармоніи явился П. И. Чайковскій.

Въ 1865 году классы уже были настолько широки и завоевали себѣ такое сочувствіе, что открытіе консерваторіи было вопросомъ подготовленнымъ и назрѣвшимъ. Въ художественномъ отношеніи оно было подготовлено тѣмъ, что среди педагогическаго персонала классовъ были налицо силы весьма крупныя, а въ матеріальномъ отношеніи тѣмъ, что къ этому времени число учащихся было уже значительно. Кромѣ того, на открытіе консерваторіи поступали пожертвованія.

По ходатайству Августѣйшей Покровительницы общества, Великой Княгини Елены Павловны, 24 декабря 1865 года послѣдо-

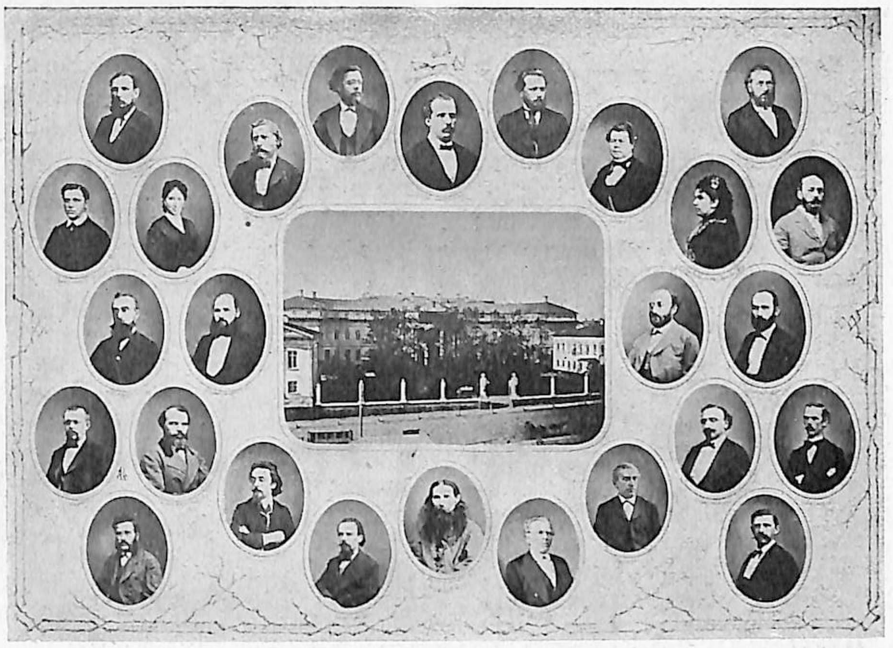
вало Высочайшее соизволеніе Императора Александра II на открытіе консерваторіи.

Съ этой цѣлью было нанято помѣщеніе на Воздвиженкѣ въ домѣ баронессы Черкасовой, и 1-го сентября 1866 года состоялось торжественное открытіе консерваторіи. Директоромъ былъ утвержденъ Н. Г. Рубинштейнъ.

Постоянно открывались новые классы, и изъ самой практики дѣла руководители черпали матеріалъ для выработки стройности въ программахъ и преподаваніи.

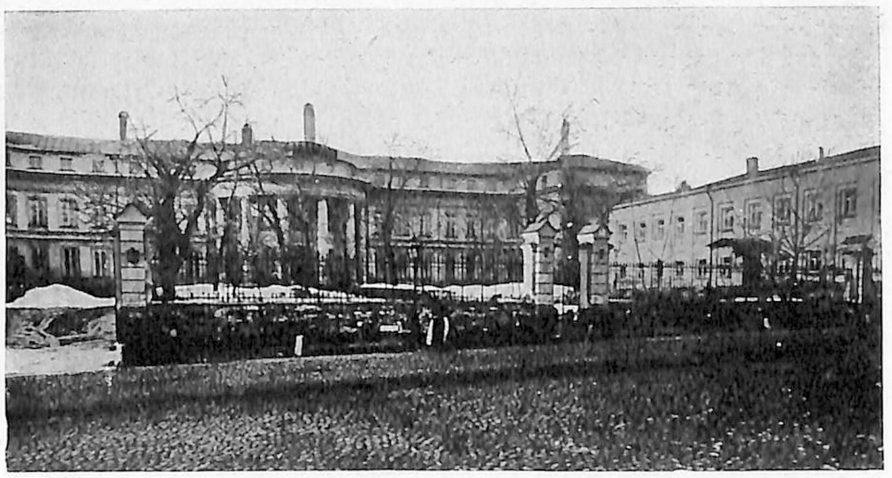
Въ 1870 году состоялся первый выпускъ учащихся (Андронова, Зографъ и Муромцева), и въ этомъ же году было положено начало ученическимъ оперным и драматическимъ спектаклямъ. Одинъ изъ этихъ спектаклей въ 1872 году способствовалъ полученію ежегодной субсидіи въ 20.000 рублей и упроченію, благодаря этому, существованія консерваторіи.

Приблизительно въ это время дирекція консерваторіи наняла домъ князя Воронцова на Большой Никитской, который уже въ 1877 году былъ пріобрѣтенъ въ собственность.



Московская Консерваторія и ея дѣятели. (Вильшанъ, Кашкинъ, Вельзенъ, Клиндвортъ, Губертъ, Н. Г. Рубинштейнъ, Чайковскій, Дюбюкъ, Э. Ланіеръ, Александрова - Кочетова, Зейлеръ, Шнекинъ, Фитценхаенъ, Бартольдъ, Кашперовъ, Радзмадзе, Гутъ, Альбрехтъ, Разумовскій, А. Ляніеръ, Звѣревъ. Лаубъ, Гржимали, Гальвани, Бюхнеръ, Рихтеръ).

Первые уполномоченные дирекціи Моск. отд. И. Р. Музыкальн. Общества—П. С. Киселевъ, В. М. Лосевъ, кн. Ю. А. Оболенскій, В. И. Якунчиковъ и Н. Г. Рубинштейнъ.



Московская Консерваторія. Первоначальный видъ.

Слѣдующій періодъ восьмидесятыхъ годовъ, благодаря кончинѣ Н. Рубинштейна, являлся для консерваторіи періодомъ смутнаго времени. Директорство переходило изъ рукъ въ руки. Только четырехлѣтнее директорство С. И. Танѣева было первымъ, послѣ нѣкотораго перерыва, шагомъ къ возстановленію порядковъ и направленія временъ Рубинштейна. При немъ была нѣсколько улучшена матеріальная часть и былъ устроенъ оркестровый классъ.

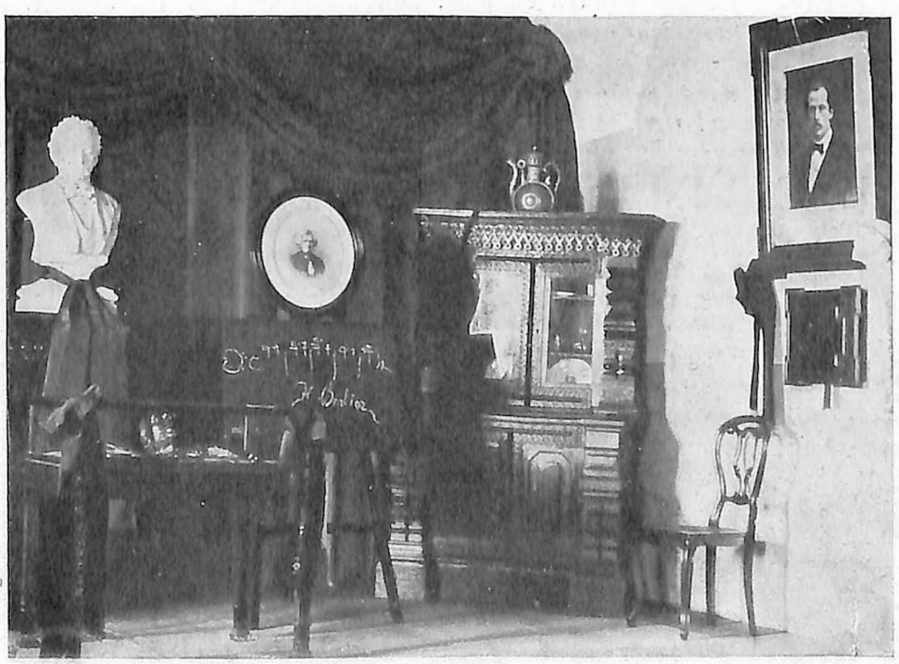
Послѣдній періодъ жизни московской консерваторіи, благодаря новому директору В. И. Сафонову, принесъ дѣлу первоначальную стройность. В. И. Сафонову пришлось многое созидать и воскрешать.

Въ 1891 году, въ день памяти Н. Г. Рубинштейна, было скромно отпраздновано двадцатипятилѣтіе консерваторіи, и приблизительно въ это время Г. Г. Солодовниковъ пожертвовалъ на ея нужды 200.000 р.

По мѣрѣ роста консерваторіи все острѣе чувствовался недостатокъ въ собственномъ помѣщеніи. Возникъ вопросъ о сооруженіи новаго зданія консерваторіи. По ходатайству Вел. Князя Сергія Александровича почившій Императоръ Александръ III положилъ начало этому дѣлу, отпустивъ 400.000 р.

Въ 1900 году было открыто новое зданіе консерваторіи. Оно явилось украшеніемъ Москвы и свидѣтельствомъ быстраго роста музыкальнаго искусства въ Россіи.

М. Р.



Часть кабинета Н. І. Рубинштейна (хранится въ Музеѣ Моск. Консерваторіи). На доскѣ автографъ Берліоза.

Харьковская обласна
бібліотека імені
Д. І. Чижевського
100 6957

Въ складѣ. Пріемъ пожертвованій.—Вел. Княг. Марія Павловна.
М. К. Рейтернъ, С. Ф. Ванлярская, С. П. Дурново, Е. Э. Исакова.

УЧРЕЖДЕНІЯ ИМЕНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ПАВЛОВНЫ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“. Снималъ Я. Штейнбергъ.

Складъ Имени Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны.
У подъѣзда подводы, груженныя теплыми и др. вещами для арміи.

Работа въ складѣ.
Шитье бѣлья.
Е. И. В. Велик. Княг. Марія Павловна.
Среди присутствующихъ—М. Львова, С. А. Гравъ, С. Ф. Ванлярская, М. В. Ратынская, г-жа Ермолова, г-жа Веретенникова.

Работа въ складѣ.
Герцогиня Лейхтенбергская, г.-л. бар. В. Р. Кнорингъ, М. К. Рейтернъ, О. А. Рейтернъ, Т. Н. Уварова, С. В. Прутченко, Н. Н. Мартыновъ.

Посѣщеніе Е. И. В. Великою Княгинею Маріею Павловною лазарета Русско-Азіатскаго банка.
Среди присутствующихъ—М. М. Давыдова, кн. Н. А. Бебутова, Н. В. Сафонова, В. Ф. Давыдовъ, д-ръ Л. В. Смирновъ, д-ръ М. И. Верболовскій.

Открытіе въ присутствіи Великой Княгини Маріи Павловны отдѣленія складовъ Имени Е. И. В. на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Е. И. В. Великая Княгиня Марія Павловна среди персонала № 1 Своего Имени тылового военно-санитарнаго поѣзда.

Среди присутствующихъ—Е. П. Разумовская, Н. М. Черняева, Т. М. Черняева, Е. Е., Обязова, полк. К. А. Мессаксуди, камергеръ А. Д. Крупенскій, Л. С. Гулевичъ, Г. В. ф.-Гельмерсенъ.

PENSÉES FUGITIVES.

Почему-то принято думать, что съ годами человѣкъ умнѣетъ. Не наоборотъ ли?

Говорятъ: ему двадцать лѣтъ, но онъ *еще* такъ глупъ... Не лучше ли: ему двадцать лѣтъ, но онъ *уже* такъ глупъ?...

* * *

Самому маленькому человѣку хочется быть оригинальнымъ, не такимъ, какъ всѣ. Способы достигнуть оригинальности безконечны. Я знавалъ въ Рязани сѣраго, унылаго, смиреннаго чиновника, который ни съ того, ни съ другого взялъ да выучился по-голландски.

— Что это вамъ вздумалось учиться голландскому языку?— спрашивали его иногда.

Онъ улыбался торжествующе и наивно:

— Да вѣдь кто же въ Рязани знаетъ по-голландски?...

* * *

Много на Руси картежниковъ, но, право, „идейныхъ" людей гораздо больше. И понятно: карты требуютъ и денегъ, и времени, и даже извѣстной душевной энергіи, а идеи ни копѣйки не стоятъ и рѣшительно ничего не требуютъ.

* * *

Если книгу не хочется прочитать во второй разъ, ее не стоило читать и въ первый.

Ар.

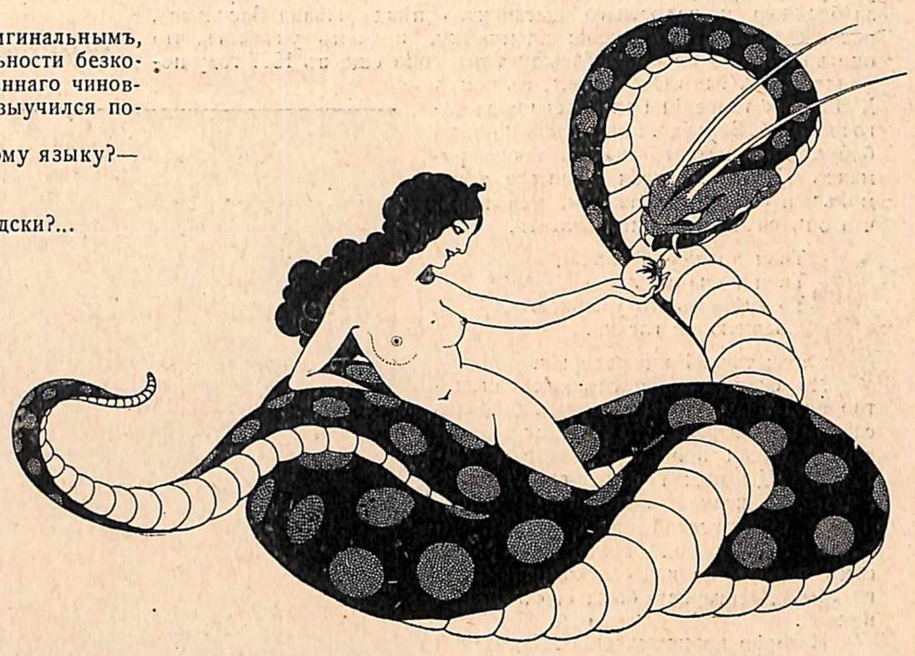


Рис. С. Лодыгина.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ И ЦЫГАНЫ.

Въ Москвѣ, если „вамъ хочется звуковъ, вамъ хочется выраженія для этой неопредѣленной, непонятной, тоскливой хандры— и благо вамъ, если у васъ есть двѣ, три, четыре сотни рублей которыя вы можете кинуть задаромъ,—о! тогда, увѣряю васъ честью порядочнаго зѣваки—вы кинетесь къ цыганамъ, броситесь въ ураганъ этихъ дикихъ, странныхъ, томительно-странныхъ пѣсенъ, и пусть тяготѣло на васъ самое полное разочарованіе, я готовъ прозакладывать мою голову, если васъ не будетъ подергивать (свойство русской натуры), когда Маша станетъ томить вашу душу странною пѣснею, или когда бѣшеный, неистовый хоръ подхватитъ послѣдніе звуки чистаго, звонкаго, серебрянаго Стешина: „Ахъ! ты слышишь ли, разумѣешь ли?..." Не эванъ, не эвоэ,—но другое, скажете вы, распустивши русскую душу во всю распашку..."

Такъ писалъ въ 1847 году въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ" („Москва и Петербургъ. Замѣтки зѣваки. I. Вечера и ночи кочующаго варяга въ Москвѣ и Петербургѣ") Аполлонъ Григорьевъ, проводя контрастную параллель между фантастическимрачнымъ, угрюмымъ Петербургомъ 1840-хъ годовъ и Москвою.

Колоритная Москва, какъ всегда и во всемъ оригинальностихійная, была колыбелью цыганства. Хоровое цыганское пѣніе стало у насъ входить въ моду, по преданію, во времена Екатерины Второй. Это были цыганы, вывезенные графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Молдавіи и поселенные въ подмосковномъ селѣ Пушкинѣ. Изъ Москвы цыганское пѣніе разлилось по всей Россіи, и съ 20-хъ гг. по 60-е гг. прошедшаго столѣтія безумствовала эта пѣсня, покоряя сердца.

Цыганы были какъ бы составною частью тогдашней русской культуры, являясь виртуозными исполнителями русскихъ народныхъ пѣсенъ въ своеобразномъ преломленіи цыганщины. Въ Москвѣ цыганы въ старыя времена составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, въ Марьиной Рощѣ, подъ Новинскимъ,—они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особъ, такъ и для „подлыхъ людей". Цыганскимъ пѣніемъ увлекались не одни только подпившіе гуляки: знаменитая пѣвица Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши, прозванной Свиньинымъ, въ честь ея, русскою Каталани; Листъ и другія музыкальныя свѣтила посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Вотъ какъ одинъ изъ современниковъ описываетъ мѣста цыганскихъ становищъ въ Москвѣ и пѣніе цыганъ:

„Если вы, катаясь по Москвѣ, заѣдете въ Грузины и Садовую, то въ маленькихъ, неопрятныхъ домахъ увидите расположенные таборы цыганъ. Они среди шумнаго, образованнаго города ведутъ ту же дикую буйную жизнь степей; обманы лошадьми, гаданья, музыка и пѣсни, вотъ ихъ занятія. Любопытно видѣть, когда ночью молодежь, преимущественно изъ купцовъ, подъѣхавши къ маленькому домику, начинаетъ стучать въ калитку. Въ то же мгновеніе огоньки метеорами начинаютъ блестѣть въ окнахъ, и смуглая, курчавая голова цыгана выглядываетъ изъ калитки. На слова кучеровъ: встрѣчайте, господа пріѣхали! цыганъ съ хитрою, довольною улыбкою отворяетъ ворота и, величая всѣхъ поименно, произноситъ иногда имена наудачу, желая тѣмъ показать свое вниманіе къ посѣтителямъ. Вы вошли въ комнаты и уже слышите аккорды гитары, видите, съ какою живостію цыганки набрасываютъ на себя капоты, блузы и пестрые платки; тамъ подъ печкою цыганъ ищетъ свои сапоги; въ одномъ углу разбуженный цыганенокъ, вскочивъ, спѣшитъ поднять своихъ собратовъ, а въ другомъ старая цыганка, прикрывъ люльку, собираетъ изломанные стулья для хора, и въ пять минутъ весь таборъ поетъ, стройный, веселый, живой, какъ будто никогда не предавался обычному отдохновенію тихой ночи. Разгульныя пѣсни цыганъ можно назвать смѣшеніемъ стихій: это дождь, вѣтеръ, пыль, и огонь—все вмѣстѣ. Прибавьте къ тому: сверкающіе глаза смуглыхъ цыганокъ, ихъ полу-прикрытыя, часто роскошныя формы, энергическое движеніе всѣхъ членовъ удалаго цыгана, который поетъ, пляшетъ, управляетъ хоромъ, улыбается посѣтителямъ, прихлебываетъ вино, бренчитъ на гитарѣ и, бѣснуясь, кричитъ во все горло; сага баба, ай люли! Ничто не располагаетъ такъ къ оргіи, какъ ихъ буйные напѣвы; если горе лежитъ у васъ камнемъ на сердцѣ, но это сердце еще не совсѣмъ охладѣло къ впечатлѣніямъ жизни, то свободная пѣснь цыганъ разсѣетъ хоть на минуту тоску вашу" (П. Вистенгофъ. Очерки Московской жизни. М. 1842).

Это былъ русскій романтизмъ. И натуры, такія ли какъ Елецкій („Цыганка" Боратынскаго), или такія, какъ „очарованный странникъ" (Лѣскова), одинаково охватывалъ „темный морокъ цыганскихъ пѣсенъ", этотъ бредъ, услада и растрата необузданныхъ, кипучихъ силъ, созданныхъ хищными набѣгами вольныхъ пространствъ Россіи на человѣческую душу и борьбою съ ними.

Въ наши дни г. де Лазари поетъ подъ гитару „Цыганскую венгерку":

Двѣ гитары, зазвенѣвъ,
Жалобно заныли...
Съ дѣтства памятный напѣвъ,
Старый другъ мой, ты ли?

Какъ тебя мнѣ не узнать?
На тебѣ лежитъ печать
Буйнаго похмелья,
Горькаго веселья.

Это ты, загулъ лихой,
Ты—сліянье грусти злой

Съ сладострастьемъ баядерки—
Ты, мотивъ венгерки!

и т. д. Многимъ ли извѣстно, что эта пѣсня-романсъ-стихотвореніе, называйте какъ угодно, не сочинена цыганами, а принадлежитъ Аполлону Григорьеву? Пыляевъ, въ „Старомъ Петербургѣ“, утверждаетъ, что „Цыганскую венгерку“ Григорьевъ написалъ за бесѣдою у извѣстнаго цыганскаго пѣвца Ивана Васильева, положившаго стихотвореніе на музыку, причемъ увѣряетъ, что оно напечатано не было. Между тѣмъ оно еще въ 1857 году появилось въ „Сынѣ Отечества“, въ циклѣ XVIII стихотвореній Григорьева подъ заголовкомъ „Борьба“. Многія изъ нашихъ бабушекъ и матерей знаютъ также романсъ „Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ“ и очень удивляются, услыхавъ, что онъ сочиненъ Григорьевымъ.

Твои движенья гибкія,
Твои кошачьи ласки,
То гнѣвомъ, то улыбкою
Сверкающіе глазки...

Слова тоже Григорьевскія.

Но если двухъ послѣднихъ стихотвореній мало, чтобы помянуть добрымъ словомъ Григорьева, то „Цыганской венгерки“ одной вполнѣ для этого достаточно. „Цыганская венгерка“, независимо отъ всякой цыганщины, одинъ изъ перловъ русской лирики, единственная въ своемъ родѣ вещь. Григорьевъ самъ пѣвалъ ее подъ аккомпаниментъ гитары. „Венгерка“ была его любимой пѣсней.

Исторію происхожденія „Цыганской венгерки“ мы и хотимъ разсказать здѣсь.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (род. 1822, ум. 1864), едва ли не лучшій литературный нашъ критикъ и весьма даровитый поэтъ, основательно, какъ все неподходящее подъ общую мѣрку, забытый потомствомъ, да и у современниковъ носившій кличку „чудака“, тѣсными узами связанъ съ цыганствомъ. Но не только какъ кровный москвичъ и поклонникъ цыганскаго пѣнія; не только личнымъ знакомствомъ съ Иваномъ Васильевымъ, водившимъ дружбу и съ другими литераторами; не только какъ поэтъ и авторъ вышеназванныхъ стихотвореній и статьи „Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны“ (переиздана въ выпускѣ 14-мъ „Собранія Сочиненій Аполлона Григорьева“, подъ редакціей В. Ѳ. Саводника, М., 1915). Корень этой связи глубже грагичнѣе. Корень ея—любовь, весьма странно, весьма причудливо и капризно преломившаяся сквозь призму романтическаго увлеченія цыганствомъ.

Исторія этой любви до самыхъ послѣднихъ дней оставалась тайной. Одни изъ друзей покойнаго критика не знали о ней, повидимому, ничего, другіе — преднамѣренно, какъ Страховъ, молчали, связанные невозможностью сказать что либо о виновницѣ этого дѣла, тогда еще существовавшей на свѣтѣ.

Аполлонъ Григорьевъ.

(Съ копіи, принадлежащей Пушкинскому Дому при Академіи Наукъ).

Однако, прежде чѣмъ разсказывать эту исторію, необходимо остановиться на очеркѣ Фета, его разсказѣ „Кактусъ“, въ которомъ выведены Григорьевъ и молодая цыганка, увлекшая степеннаго Аѳанасія Аѳанасьевича своимъ пѣніемъ. Этотъ очеркъ введетъ насъ in medias res.

Въ 1856 году Фетъ проживалъ въ отпуску въ Москвѣ, на Басманной. Здѣсь, послѣ 12 лѣтъ разлуки, онъ снова встрѣтился со старымъ товарищемъ и однокашникомъ по Московскому университету, Григорьевымъ. Дѣло происходило лѣтомъ. „Григорьевъ, разсказываетъ Фетъ, несмотря на палящій зной, чуть не ежедневно являлся ко мнѣ на Басманную изъ своего отцовскаго дома на Полянкѣ. Это огромное разстояніе онъ неизмѣнно проходилъ пѣшкомъ, и вдобавокъ съ гитарой въ рукахъ. Смолоду онъ учился музыкѣ у Фильда и хорошо игралъ на фортепіано, но, ставъ страстнымъ цыганистомъ, промѣнялъ рояль на гитару, подъ которую слабымъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ цыганскія пѣсни. Къ вечернему чаю ко мнѣ нерѣдко собирались два-три пріятеля-энтузіаста, и у насъ завязывалась оживленная бесѣда. Входилъ Аполлонъ съ гитарой и садился за нескончаемый самоваръ. Несмотря на бѣдный голосокъ, онъ доставлялъ искренностію и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ піесы“.

— Спойте, Аполлонъ Александровичъ, что-нибудь.

— Спой въ самомъ дѣлѣ.—И онъ не заставлялъ себя упрашивать.

Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ нерѣдко около полуночи уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару. Репертуаръ его былъ разнообразенъ, но любимою его пѣсней была венгерка, перемежавшаяся припѣвомъ:

Чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечки,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка.

Понятно, почему эта пѣсня пришлась ему по душѣ, въ которой набѣгавшее скептическое вѣяніе не могло загасить пламенной любви красоты и правды. Въ этой венгеркѣ сквозь комически-плясовую форму прорывался тоскливый разгулъ погибшаго счастья. Особенно оттѣнялъ онъ куплетъ:

Подъ горой то-ольха,
На горѣ-то вишня;
Любилъ баринъ цыганочку,
Она замужъ вышла“.

По обыкновенію всѣхъ мемуаристовъ, Фетъ запамятовалъ и сдѣлалъ ошибку: приведенное имъ четверостишіе не принадлежитъ Григорьеву, первые же два стиха, хотя и искаженные Фетомъ, дѣйствительно Григорьевскіе.

Дальше въ разсказѣ „Кактусъ“ идетъ рѣчь о томъ, какъ Григорьевъ возилъ своего друга въ Грузины къ Ивану Васильеву послушать пѣніе влюбленной цыганки, красавицы Стеши.

„Слегка откинувъ свою оригинальную, дѣтски-задумчивую головку на дѣйствительно тяжеловѣсную, съ отливомъ воронова крыла, косу, она вся унеслась въ свои пѣсни. Увѣренный, что теперь она не обратитъ на меня ни малѣйшаго вниманія, я придвинулъ свой стулъ настолько, что могъ видѣть ее почти въ профиль, тогда какъ до сихъ поръ могъ любоваться только ея затылкомъ. Когда она запѣла:

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Прежнюю нашу любовь,

чуть замѣтная слезинка сверкнула на ея темной рѣсницѣ. Сколько нѣги, сколько грусти и красоты было въ ея пѣніи! Но вотъ она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла пѣсню, которую я только въ первой молодости слыхивалъ у московскихъ цыганъ, такъ какъ современные пѣть ее не рѣшались. Пѣсня эта, не выносящая посредственной пѣвицы, извѣстная:

„Слышишь ли, разумѣешь ли?“

Стеша не только запѣла ее мастерски, но и расположила куплеты такъ, что только съ тѣхъ поръ самая пѣсня стала для меня понятна какъ высокій образчикъ народной поэзіи. Она спѣла такъ:

Ахъ ты злодѣй, ты злодѣй,
Добрый молодецъ.
Во моемъ ли саду
Соловей поетъ,
Громко свищетъ.
Слышишь ли,
Мой сердечный другъ?
Разумѣешь ли,
Жизнь-душа моя?

Пѣсня полна всевозможныхъ переливовъ, управляемыхъ минутнымъ вдохновеніемъ. Я жадно смотрѣлъ на ея лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть. При послѣднихъ стихахъ слезы градомъ побѣжали по ея щекѣ. Я не выдержалъ, вскочилъ со стула, закричалъ: браво! браво! и въ ту же минуту опомнился. Но уже было поздно. Стеша, какъ испуганная птичка, упорхнула“.

О томъ, какія чувства испытывалъ въ это время Григорьевъ, Фетъ не говоритъ ни слова. Между тѣмъ въ годъ описываемыхъ событій драма, начало которой было положено еще пять лѣтъ назадъ, приближалась къ концу: та, которую любилъ Григорьевъ, вышла замужъ. Въ слѣдующемъ, 1857 году онъ уѣхалъ заграницу въ качествѣ воспитателя князя Ивана Юрьевича Трубецкого (умеръ лѣтомъ 1915 года въ Парижѣ). Въ Италіи Григорьевъ написалъ поэму: „Venezia la bella. Дневникъ странствующаго романтика“. Въ ней онъ туманно и осторожно для непосвященныхъ

касается недавней своей раны. Благородно ли, однако, спрашиваетъ Григорьевъ, пытаться говорить о томъ, что нужно осторожно беречь, лелѣять, свято чтить? И отвѣчаетъ:

Да! это безобразно и ничтожно...
Я знаю самъ... Но такъ тебя любить
Другому, кто бъ онъ ни былъ,—невозможно...
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ судьба меня
Ни бросила—съ собой мечту одну я
Ношу вездѣ: въ толпѣ ли, въ шумѣ ль дня,
Одинъ ли, въ ночь безсонную тоскуя,
Какъ молодость, какъ свѣтъ, какъ благодать
Зову тебя!

Первую половину 1850-хъ гг. Аполлонъ Григорьевъ считалъ самою лучшею, самою свѣтлою порою своей жизни. Цѣльнымъ и яркимъ явленіемъ въ московской жизни начала 50-хъ гг. былъ кружокъ, образовавшійся вокругъ Островскаго. Люди этого кружка и задушевныя сходки подробно описаны С. В. Максимовымъ и И. Ѳ. Горбуновымъ. Время, проведенное въ кружкѣ, было для Григорьева „настоящею молодостью". „Все „народное", даже „мѣстное", что окружало мое воспитаніе,—писалъ онъ впослѣдствіи,—все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ до фанатической, исключительной вѣры, до нетерпимости, до пропаганды"... Въ одномъ письмѣ изъ заграницы вспоминаетъ онъ собранія кружка, извѣстнаго въ исторіи литературы подъ названіемъ „молодой редакціи Москвитянина", хотя далеко не всѣ его члены работали въ этомъ журналѣ Погодина. Собранія происходили нерѣдко въ винномъ погребкѣ, „въ миломъ погребкѣ друга нашего Михайлы Ефремыча (который тоже допился до бѣсовъ)—подъ звуки венгерки въ двѣ гитары... мѣстѣ безпутства и поэзіи, монологовъ изъ „Маскерада" въ пьяномъ образѣ, завѣтныхъ пѣсенъ: „Улетаетъ мой соколикъ", „Вспомни", „Дороженька", „Пряха",—вдохновенныхъ и могучихъ рѣчей Островскаго, остроумія Евгенія, голосовъ Филиппова и Михайлы Ефремова, серьезности и остервенѣнія Садовскаго, тонкаго ума Дмитрія Визара, метеорства покойника Дьякова... всего, всего, что называется молодость, безпутство, любовь, безуміе, безобразіе, поэзія"...

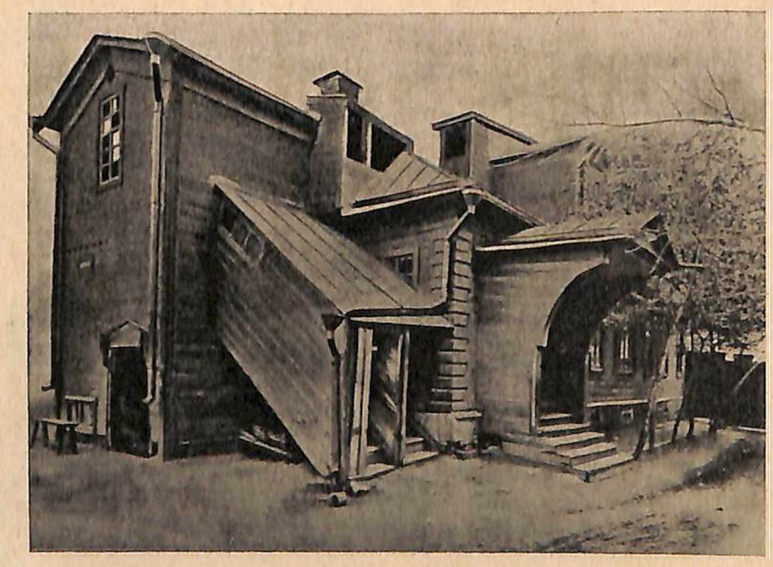
Въ 1851 году Григорьевъ познакомился съ семьею Якова Ивановича В., бывшаго воспитателемъ въ мужскомъ отдѣленіи Воспитательнаго дома въ Москвѣ. Григорьевъ въ этомъ среднемъ учебномъ заведеніи преподавалъ словесность. Я. И. В. былъ по духу и воспитанію русскимъ: Москва была его родиной. По религіи онъ былъ кальвинистъ. Чистый математикъ по образованію, полученному въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ, онъ однако занимался преподаваніемъ „parler français", что было въ тѣ времена болѣе выгоднымъ занятіемъ. Жили В. въ главномъ корпусѣ зданія, и во время большой перемѣны Я. И. нерѣдко приглашалъ учителей къ себѣ „выкурить трубку". Но изъ всей учительской массы только одинъ Апол. Алекс., по его же выраженію, „пришелся ко двору" и сталъ настоящимъ знакомымъ. Вскорѣ онъ сблизился съ мужской половиной семьи, такъ какъ былъ, по словамъ лица, сообщившаго намъ эти свѣдѣнія, „очень пріятнымъ собесѣдникомъ — умный, подвижный, живой, обладалъ большимъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Была у него довольно большая библіотека". Подъ предлогомъ снабжать книгами женскую половину семьи, онъ сталъ часто заходить. И такимъ-то образомъ полюбилъ одну изъ дочерей В., Леониду Яковлевну. Она была „замѣчательно изящна, очень умна, хорошенькая, талантлива, превосходная музыкантша... Умъ у нея былъ очень живой, но характеръ очень сдержанный и осторожный. Григорьевъ часто съ досадой называлъ ее пуританкой. Противоположностей въ ней было масса, даже въ наружности. Прекрасные, густѣйшіе, даже съ синеватымъ отливомъ, какъ у цыганки, волосы и голубые, большіе, прекрасные глаза. Съ ея стороны не было взаимности никакой".

Трагизмъ всему положенію придавало еще то, что Григорьевъ былъ давно женатъ, имѣлъ трехъ сыновей.

Въ 1856, а быть можетъ и въ началѣ 1857 года, Л. Я. вышла замужъ за инженеръ-поручика, помѣщика Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи и драматурга, автора комедій „Купецъ-лабазникъ" и „Омутъ", изъ которыхъ первая по дарованію, не уступала знаменитому „Банкроту" Островскаго, Михаила Николаевича Владыкина (род. 1830, ум. 1887) и уѣхала изъ Москвы на родину мужа.

Вотъ кто былъ тотъ „свѣтлый сильфъ съ душой изъ крѣпкой стали", котораго „такъ любить другому, кто бъ онъ ни былъ, невозможно". Ясно, что „Цыганская венгерка", написанная въ 1856-57 гг., была заключительнымъ аккордомъ разыгравшейся драмы.

Домъ Григорьевыхъ въ Москвѣ, на Малой Полянкѣ, у Спаса въ Наливкахъ, въ Замоскворѣчьѣ.
(Съ фотографіи 1915 г., принадлежащей Пушкинскому Дому при Имп. Академіи Наукъ).



То же. Видъ со двора.

Чибирякъ, чибирякъ,
чибиряшечка,
Съ голубыми ты глазами, моя
душечка!
Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про нихъ не поминай...
Безъ тебя ихъ знаю!
Въ нихъ хоть разъ бы поглядѣть
Прямо, ясно, смѣло...
А потомъ и умереть
Плевое ужъ дѣло!

И еще:

Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата...
Что за дѣло, ты моя!
Развѣ любитъ онъ, какъ я?
Нѣтъ—ужъ это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Намъ съ тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоемъ такъ хороша,
Порознь—горе злое!
Эхъ, ты жизнь, моя жизнь...
Къ сердцу сердцемъ прижмись!
На тебѣ грѣха не будетъ,
А меня пусть люди судятъ,
Меня Богъ проститъ...
Что не ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увижу ль у нея
На рукѣ колечко!..
Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата!
Эхъ-на ты, завей
Веревочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску въ морѣ!

„Цыганская венгерка", „тоскливый разгулъ погибшаго счастья", по словамъ Фета, была прощаньемъ съ невозвратимымъ прошлымъ... „Для одной только женщины, писалъ Григорьевъ, въ мірѣ могъ я изъ *бродяги-безсемейника, кочевника,* обратиться въ *почтеннаго* и можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ *нравственнаго* мѣщанина... Да нѣтъ! Зачѣмъ хочу я намѣренно набросить тѣнь насмѣшки на то, что было свято какъ молитва, полно какъ жизнь, съ чѣмъ сливалась и вѣра въ борьбу, на чемъ выросла и окрѣпла религія свободы?.. Зовите меня сумасшедшимъ, другъ мой, но я и умирая не повѣрю, чтобы эта женщина была не то, чѣмъ душа моя ее знала"...

Любовь, Москва, вторая „настоящая молодость" въ кружкѣ Островскаго, дружба съ цыганами, все минуло. Изъ заграницы Григорьевъ, какъ въ дни юности, вернулся въ Петербургъ, гдѣ и застигла его преждевременная смерть.

Влад. Княжнинъ.

„Письмо“, рис. Миссъ.

Дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. „Онъ собирается увезти губернаторскую дочку". (Мертвыя души, ч. I, гл. 9). Миніатюра раб. С. И. Юнкеръ.

Головка боярыни. Миніатюра раб. С. И. Юнкеръ. (Соб. О. Г. Базанкуръ).

С. И. ЮНКЕРЪ.

Художница Софія Ивановна Юнкеръ, рожденная Крамская, осталась послѣ смерти отца дѣвушкой-подросткомъ, занималась подъ его руководствомъ живописью не болѣе двухъ лѣтъ.

И. Н. Крамской, чрезвычайно строго въ области искусства относившейся и къ себѣ, и къ другимъ,—послѣ перваго же опыта дочери масляными красками—портрета г. В. И. И.—сталъ настаивать, чтобы она училась живописи серьезно, но дочь, у которой обнаружился еще прекрасный голосъ, увлеклась пѣніемъ и нѣсколько отвлеклась отъ живописи. Однако, по смерти отца она не забросила любимаго искусства и продолжала заниматься рисованіемъ подъ руководствомъ художника Литовченко, а позже акварелью у покойнаго А. П. Соколова, пользовалась также совѣтами Куинджи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ одной знакомой англичанкой, С. И. Крамская уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Это была веселая, красивая жизнь, столь захватывающая молодыхъ художниковъ! „Купались", жадно впитывали атмосферу искусства и наслаждались этими переживаніями. Съ восьми утра до 12 — усердное рисованіе въ atelier съ живой модели; иногда заходилъ къ молодымъ художникамъ старый другъ Крамского—М. М. Антокольскій, подбадривалъ, давалъ указанія, совѣты... а затѣмъ цѣлые дни, до изнеможенія—Louvre, Luxembourg, выставки, дворцы — сплошной праздникъ молодости, богатыхъ силъ души и таланта..

Портретъ-миніатюра лорда N.

Вернувшись въ Петроградъ освѣженная и болѣе увѣренная въ себѣ, С. И. продолжала много и усердно работать.

Выставляла она и выставляетъ очень мало. Причиною тому—строгость къ себѣ, доходящая до мнительности, до болѣзни. Цѣлый каталогъ составился бы изъ всѣхъ написанныхъ ею картинъ и заказныхъ портретовъ. Въ числѣ послѣднихъ—портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны (для русскаго отдѣла на выставкѣ въ Чикаго), другой портретъ (наход. у Вел. Кн. Ксеніи Александровны), еще одинъ находящійся въ Гатчинѣ, нѣсколько портретовъ Императрицы Александры Ѳеодоровны (въ томъ числѣ заказной для Павловскаго полка), портреты Великихъ Князей и Княгинь: Елены Владиміровны (акварель въ ростъ, наход. у Ея Высочества), Елизаветы Мавpикіевны—наход. у Ея Высочества, такъ же, какъ и портр. Вел. Кн. Константина Константиновича въ костюмѣ Гамлета, Вел. Кн. Михаила Александровича (для Гатчины), Вел. Кн. Елизаветы Ѳеодоровны, Наслѣдника Цесаревича (наход. у Ея Величества), и множества лицъ свѣтскаго и артистическаго міра, — Алексан. Никол. Нарышкиной, писательницы М. В. Картавцевой-Крестовской, докт. Боткина, В. Н. фонъ-Дервизъ, графа Воронцова-Дашкова и его дочери, Мар. Гавр. Савиной и мн. др.

Въ послѣдніе годы С. И. увлекается миніатюрой—какъ портретами, такъ и композиціями, образцы которыхъ и воспроизводятся при настоящей статьѣ.

О. Б—ръ.

Художн. Соф. Ив. Юнкеръ, рожд. Крамская.

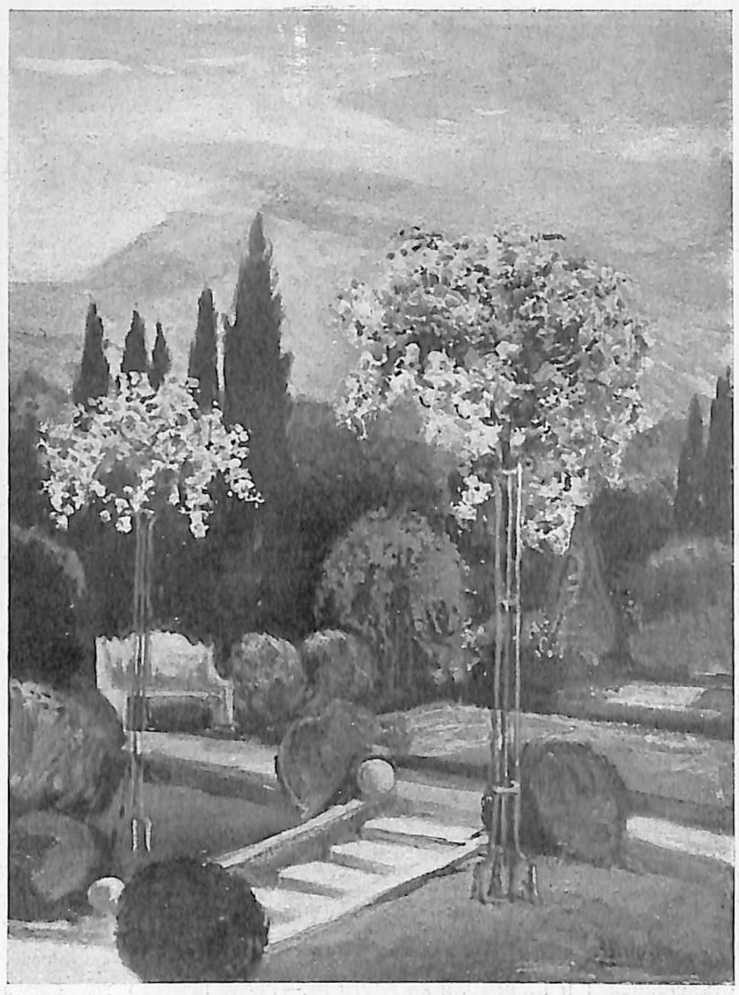
ВЫСТАВКА А. П. ШНЕЙДЕРЪ.

Болѣе двухсотъ большихъ, маленькихъ и совсѣмъ крохотныхъ, не больше дамской брошки, акварелей посвящены почти исключительно русской флорѣ.

Мягкія краски сѣверныхъ садовъ и луговъ чередуются съ яркими, цвѣтистыми пятнами и буйной зеленью знойнаго юга.

Художница умѣло передаетъ характерныя особенности каждаго цвѣтка и съ большимъ вкусомъ выбираетъ свои мотивы. Въ отличіе отъ другихъ флеристокъ, обыкновенно превращающихъ природу въ „мертвую натуру“ въ видѣ корзинокъ съ ландышами

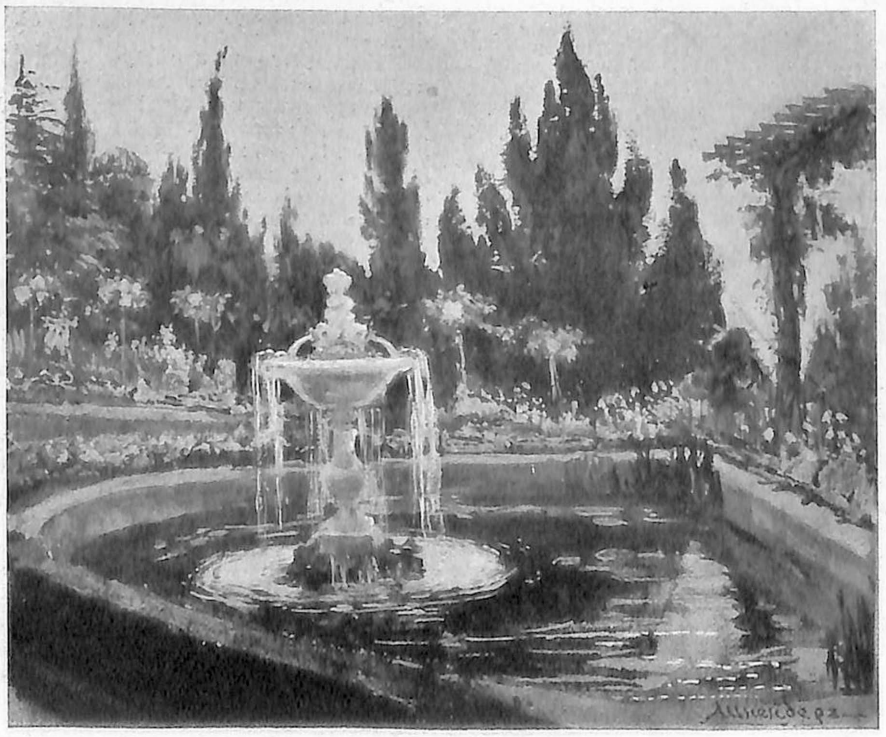
А. П. Шнейдеръ. Розы.



А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ „Харакса“. Май.

или вазъ съ цвѣтами, она беретъ свои мотивы цѣликомъ въ той обстановкѣ, гдѣ встрѣчается съ ними.

Ея цвѣты, неразрывно связанные съ окружающимъ ихъ пейзажемъ, производятъ портретное впечатлѣніе и далеки отъ обычныхъ утомительныхъ nature morte'овъ. Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ея работахъ занимаетъ флора южнаго берега Крыма. Лиловые гроздья душистой глицинiи, огненнокрасные маки, нѣжно-розовый цвѣтъ Іудина дерева и безконечно разнообразныя розы,—весь букетъ крымской весны.



А. П. Шнейдеръ. „Харакъсъ“. Фонтанъ „Дельфины“.

Много работъ посвящено роскошному парку собственнаго Его Величества имѣнія „Ливадія“, а также душистымъ цвѣтникамъ „Харакса“, имѣнія Великаго Князя Георгія Михаиловича, около Ай-Тодора, гдѣ весною 1913 года много работала г-жа Шнейдеръ.

Художница не чуждается и болѣе скромной флоры средней полосы Россіи. Ея палитра разсказываетъ и о садахъ помѣщичьихъ усадебъ съ неизбѣжными кустами сирени, розовыми піонами и красными, какъ кумачъ, мальвами.

Нѣсколько работъ посвящено англійскимъ паркамъ „Кенсингтонъ“, римскимъ виллamъ, „Виллѣ Квитка“ (раньше Наполеона) и мотивамъ Капри.

Шнейдеръ съ дѣтства чувствовала влеченіе къ живописи: быть можетъ, сказалась кровь

Мастерская А. П. Шнейдеръ.

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается; перепечатка группъ и портретовъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

ея предка, архитектора временъ Екатерины II, участвовавшаго въ постройкѣ многихъ зданій Петербурга.

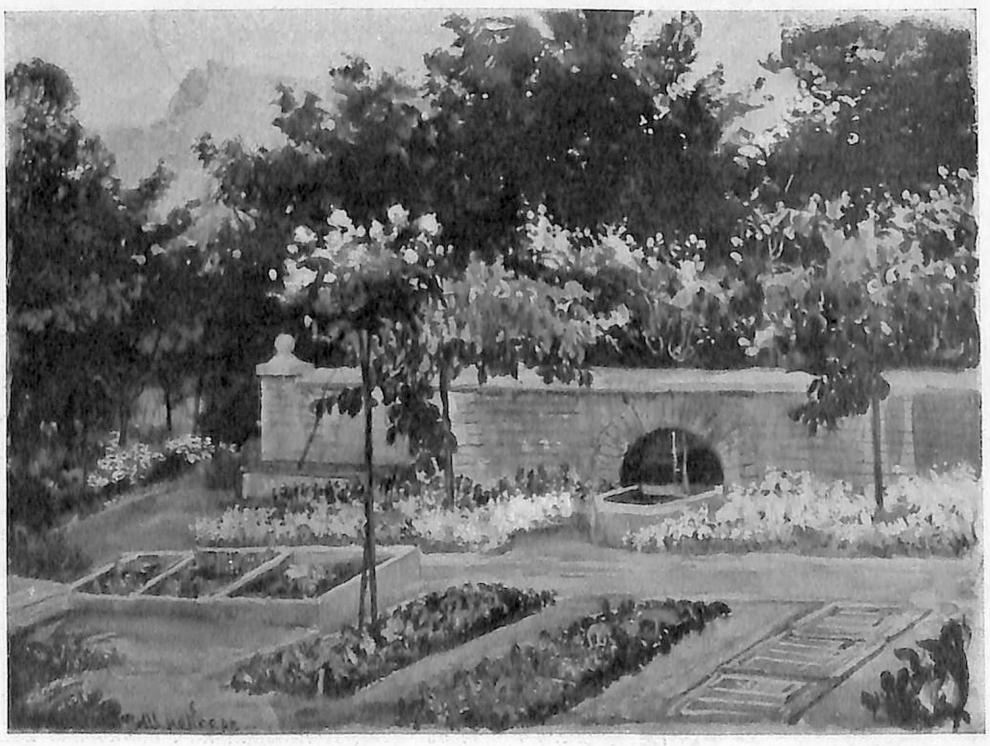
Окончивъ натурный классъ школы Общества Поощренія Художествъ подъ руководствомъ академика Ціонглинскаго, г-жа Шнейдеръ неоднократно работала въ мастерскихъ Парижа, пользуясь указаніями Collet, Jules Simon и особенно Maxime Faivre'a, оказавшаго наибольшее вліяніе на развитіе ея художественнаго творчества.

Участвуя въ выставкахъ Общества Акварелистовъ, „весенней", въ парижскомъ Салонѣ и въ международныхъ въ Мюнхенѣ и Римѣ, 8 лѣтъ тому назадъ г-жа Шнейдеръ устроила отдѣльную выставку своихъ работъ въ залахъ Общества Поощренія Художествъ.

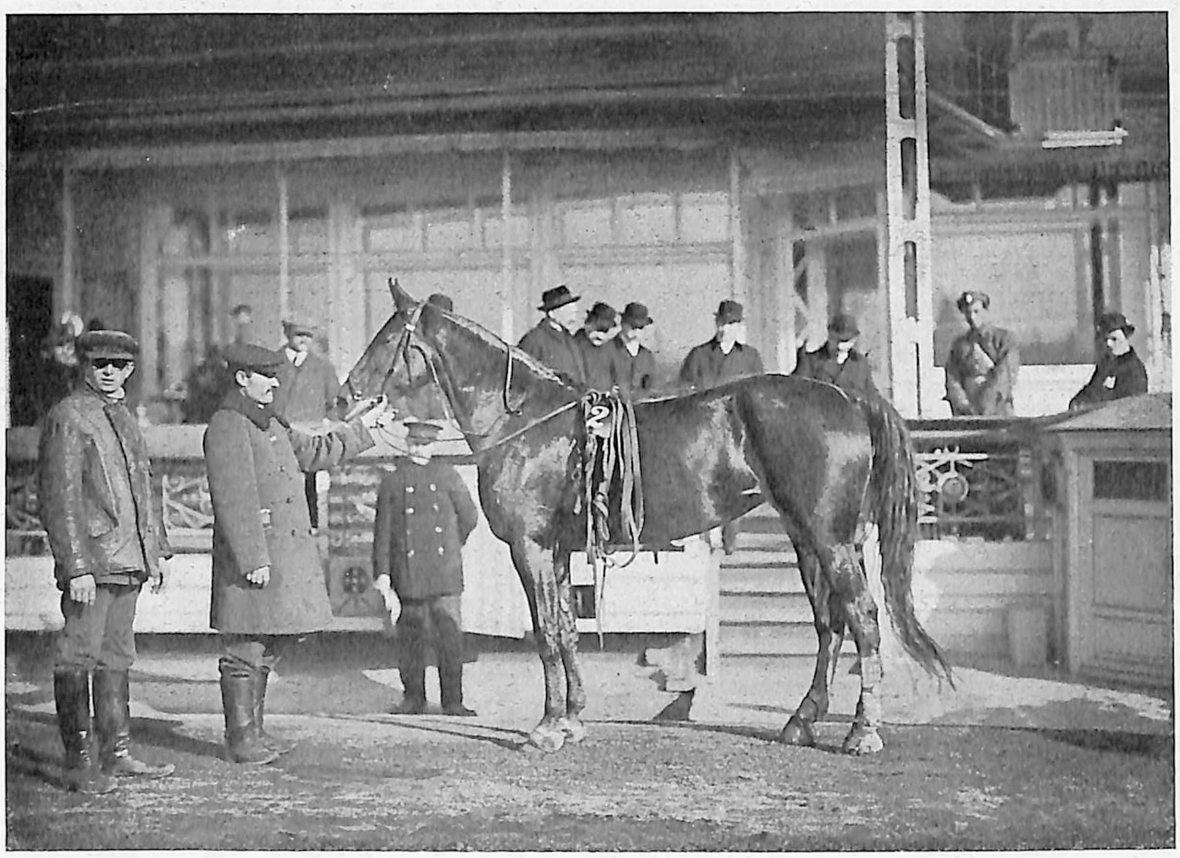
Гирлянды розъ кисти Шнейдеръ украшаютъ фризъ и плафонъ въ залахъ Мошногорскаго имѣнія Е. А. Балашевой и въ Троицкомъ М. М. Скарятиной. „Золотой дождь" находится въ акварельномъ собраніи кн. М. К. Тенишевой въ Музеѣ Александра III. Много мотивовъ разнообразной русской флоры пріобрѣтено Академіей Художествъ для пополненія провинціальныхъ музеевъ, а также частными лицами.

Работы художницы неоднократно обращали на себя вниманіе Августѣйшихъ Особъ, которыми и были пріобрѣтены нѣсколько картинъ.

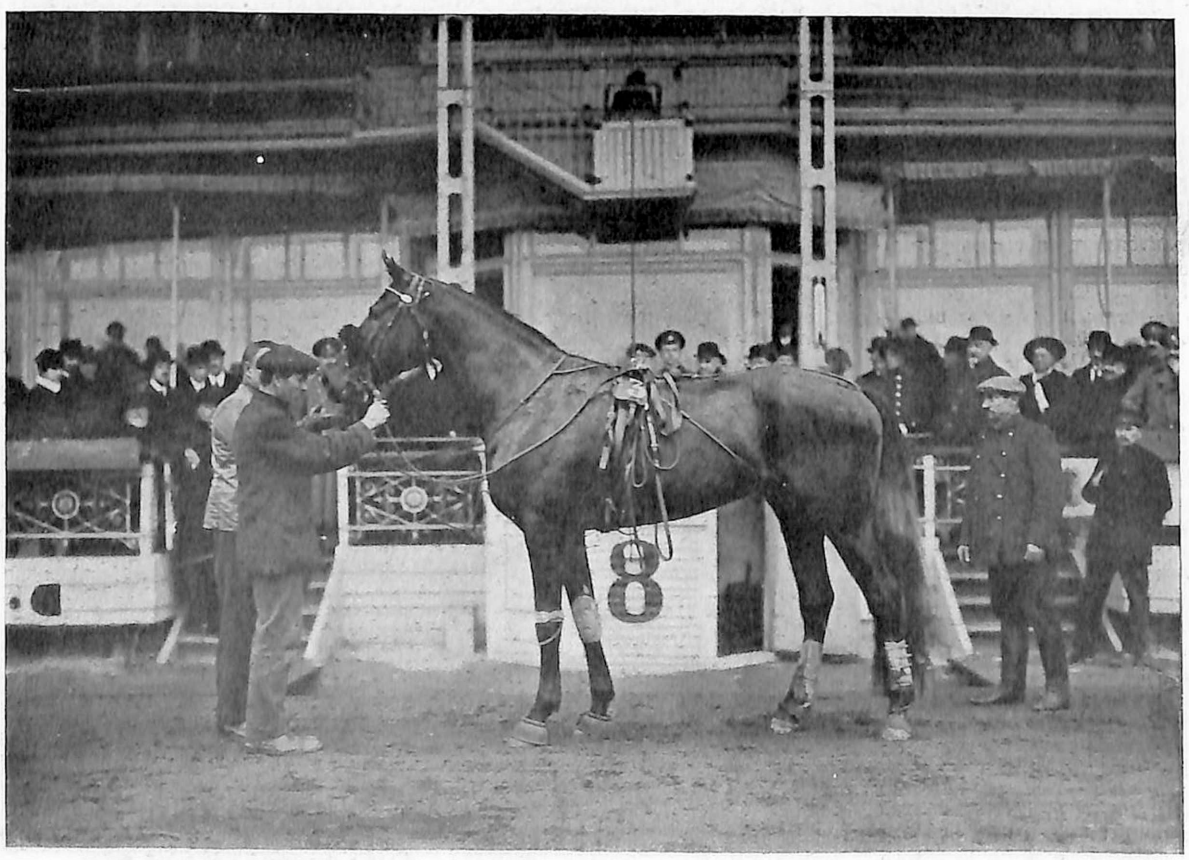
С. Кондаковъ.



А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ „Харакса". Дѣтскій садъ.



КОРОБУШКА, рыж. к., р. 1909 г. В. В. Лежневъ, зав. С. Н. Конилина, отъ Пасъ-Роза 2 : 14¼, з. С Ф. Эмери и Клеопатры 2 : 17¾ з. кн. С. М. Голицына. Лучшая рѣзвость, 1 в. 1 : 28⅞ и 1½ в.—2 : 14⅜ по 22 декабря 1916 г., выиграла 59.603 р.
Побѣдительница приза въ честь Е. И. В. Вел. Кн. Татіаны Николаевны 26 сент. 1916 г.



ТИРАНЪ, гн. ж. р. въ 1912 г., кн. Вяземскихъ, зав. соб., отъ Гей-Бенгена 2 : 12⅘, зав. Ф. Л. Ли и Тяги 2 : 35⅚ з. кн. Л. Д. Вяземскаго. Лучшая рѣзвость: 1 в.—1 : 34, 1½ в.—2 : 10⅘ по 22 декабря 1916 г. выигралъ 67.143 р.
Побѣдитель приза въ часть Константина Логгиновича Вахтера, 19²⁵/xi 16 г.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ Петроградъ Звенигородская 11.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

THE LADIES' FIELD

ЦѢНА 6 ПЕНС.

ЖУРНАЛЪ АНГЛІЙСКАГО ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА.

Печатается на роскошной бумагѣ. Благодаря изяществу и высокохудожественному исполненію иллюстрацій стоитъ во главѣ модныхъ журналовъ всего свѣта.

Во всѣхъ вопросахъ моды и во всѣхъ отрасляхъ дамскаго туалета считается однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ органовъ Великобританіи и Континента.

„THE LADIES' FIELD", стремясь освѣтить всѣ стороны жизни свѣтской женщины, посвящаетъ еженедѣльно нѣсколько страницъ свѣтскимъ новостямъ, модѣ, спорту, разнаго рода развлеченіямъ, музыкѣ, свадьбамъ и путешествіямъ въ автомобилѣ.

Русской Придворной жизни отводится въ журналѣ должное мѣсто.

Издатель будетъ весьма признателенъ за присылку интересныхъ сообщеній, касающихся свѣтской жизни Россіи, и за фотографіи, освѣщающія ее съ разныхъ сторонъ.

„THE LADIES' FIELD" намѣрено выпустить въ 1917 году „русское приложеніе". Въ этомъ приложеніи будутъ иллюстрированы и описаны характерныя стороны русской свѣтской жизни.

Журналъ выходитъ по средамъ. Годовая подписка **50 шил.** съ пересылкой.

8—11, SOUTHAMPTON STREET, ST., LONDON, W. C.

FIAT

FABBRICA ITALIANA AUTOMOBILI TORINO.

РУССКОЕ АКЦ. О-ВО АВТОМОБИЛЕЙ ФІАТЪ

ПРАВЛЕНІЕ—Б. КОНЮШЕННАЯ, 25.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ РУССКО-АЗІАТСКАГО БАНКА.

На 1-ое октября 1916 г.

		Руб.	К.
АКТИВЪ.			
Касса и текущіе счета		48 952.255	93
Учетъ вексел. и друг. цѣнностей		266.069.070	98
Ссуды	до востреб.	288.018.891	12
	срочныя	12.099.927	07
Иностр. деньги и там. купоны		126.767	36
Цѣнныя бумаги, принадл. Банку [1]:			
Правительств. гарант.		21.128.307	06
Правительств. негарант.		11.986.593	24
Тратты и векселя на загран. мѣста		457.804	83
Драгоцѣн. металлы, принадл. Банку.		1.849.1-5	49
По сч. корреспонд. „Loro"		398 881.035	78
По сч. Банка съ кореспонд. „Nostro"		34.281.975	11
Счетъ Правленія		300.056.901	69
Протестов. векселя		379.852	99
Текущіе расходы		7.765.641	55
Процентный сборъ съ прибыли и налогъ съ кап.		277 955	22
Расходы, подлежащіе возврату		77.789	48
Недвижимое имущество		12.129.453	41
Обзаведеніе и устройство		147.294	96
Переходящія суммы		2 900.440	70
	Руб.	1.407.587.123	97
ПАССИВЪ.			
Склад. капиталъ 293.332 акціи	Р. 55.000.000.—	59.837.196	—
Команд. вкл. Кит. Прав. К. Т. 3 500.000	Р. 4.837.196.—		
Запасный кап., прин. акціон.	Р. 18.883.842.51	20.609.099	97
Зап. кап. прин. Кит. Пр. К. Т. 1.248.326.83.	Р. 1.725.257.46		
Особый зап. кап., прин. акціонерамъ	Р. 5.901.020.37	6.596.655	22
Особый запасн. капиталъ, принадл. Кит. Правит. К. Т. 503.333.33	Р. 695.634.85		
Резервъ на возможныя во время войны потери		2.176.559	79
Особый фондъ страхов.		1.006.838	73
Капит. погаш. недвижим. имущ.		1.817.195	97
Выпущенные въ обращ. банкноты		3.020.419	26
Вклады и текущіе счета		707.759.138	11
По сч. корреспонд. „Loro"		203.899.472	51
По сч. Банка съ кореспонд. „Nostro"		48.778.507	08
Переучетъ		1.240.539	21
Счетъ Отдѣленій		302.729.223	21
Неоплач. переводы и акц. тратты.		5.684.059	79
Получен. %%, комиссія и пр.	Р. 13.649.269 75	28.512.981	74
%%, подлеж. уплатѣ по тек. счет. и вкл.	Р. 14.863.711 99		
%, переходящіе на 1917 г.		400.022	47
Невыплачени. дивидендъ		4.757.664	55
Переходящія суммы		6.775.651	29
Сберегат. касса служащ. Банка.		1.985.899	07
		1.407.587 123	97
Векселя и жел.-дор. квитанціи на комиссіи		70.814.686	42
Гарантіи Банка, выдани. каз. учрежд. по ихъ заказамъ разн. заводамъ		24.855.881	02
Склад. кап.: 293.332 акціи по Руб. 187.50		54.999.750	—
взносъ учредит. на пополненіе		250	—
	Руб.	55.000.000	—

[1]) Въ томъ числѣ %обумаги запасн. капитала.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ

Петроградскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка

по 30-ое Ноября 1916 года.

ПРАВЛЕНІЕ БАНКА въ Петроградѣ, ОТДѢЛЕНІЯ: въ Кіевѣ, Ростовѣ-на-Д., Таганрогѣ, Бѣлой Церкви, Черкассахъ и агентство въ Смѣлѣ.

Активъ.	Въ Петроградѣ. Руб.	К.	Въ отдѣленіяхъ. Руб.	К.	Итого. Руб.	К.
Касса и тек. сч.	3.812.436	29	4.415.045	62	8.227.481	91
Учетъ вексел. и др. цѣнностей *)	33.132.572	84	10.804.661	26	43.937.234	10
Ссуды подъ обезпеч.	27.193.079	36	12.747.424	92	39.940.504	28
Цѣнныя бум., прин. Банку	17.066.094	20	337.799	30	17.403.893	50
Иностр. векселя и монеты.	35.186	11	1.931	13	37.167	24
Корреспонденты Банка:						
1. Loro	218.031.344	52	2.632.874	50	220.664.219	02
2. Nostro	4.738.319	69	1.033.262	64	5.771.582	33
Отдѣленія Банка	—	—	25.165.624	26	25.165.624	26
Векселя, прин. на инкассо	5.594.849	57	5.301.793	77	10.896.643	34
Текущіе расходы	906.203	82	459.905	66	1.366.109	48
Недвиж. имущество	2.400.000	—	944.000	—	3.344.000	—
Государ. промысл. налогъ.	351.445	84	—	—	351.445	84
Переходящ. суммы	669.322	33	516.023	11	1.185.345	44
Руб.	313.930.854	57	64.360.396	17	378.291.250	74
Пассивъ.						
Складочный капиталъ (100,000 акцій по Р. 250)	25.000.000	—	—	—	25.000.000	—
Запасный капиталъ	8.333.333	33	—	—	8.333.333	33
Особый резерв. капиталъ.	4.166.666	67	—	—	4.166.666	67
Остатокъ прибыли	300.000	—	—	—	300.000	—
Вклады и текущ. счета	123.523.981	53	46.336.957	79	169.860.939	32
Корреспонденты Банка:						
1. Loro	114.525.753	96	5.234.039	53	119.759.793	49
2. Nostro	1.086.726	59	684.256	47	1.770.983	06
Отдѣленія Банка	25.068.650	26	2.474.159	66	27.542.809	92
Векселя на инкассо	5.594.849	57	5.301.793	77	10.896.643	34
Акцептов. тратты и переводы къ оплатѣ	844.850	55	171.267	26	1.016.117	81
Невыплачен. дивиденды	226.999	—	—	—	226.999	—
%%% и комиссія въ 1916 г. Р. 10.431.795 46						
За выч. % по тек. сч. и вклад. Р 4.776.588 80	4.809.924	18	845.282	48	5.655.206	66
Переходящія суммы	449.118	93	3.312.639	21	3.761.758	14
Руб.	313.930.854	57	64.360.396	17	378.291.250	74

*) Въ томъ числѣ 2.196.000 р.—5-проц. обязат. Госуд. Казнач.

НОВАЯ Ц...
25-00

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

ВЛ. КРЫМОВЪ,

(10-ая тысяча).

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ и ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

Въ странѣ миллардеровъ.—Газеты и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Страшные рекорды.—Монте-Карло.

1.75

(12-ая тысяча).

О ПРОЧЕМЪ.

О Монте-Карло и втрокахъ.—Какъ меня пригласилъ Л. Н. Толстой и прочее.—Въ Южной Америкѣ.—По Съв. Америкѣ и Европѣ.—Кинематографъ мысли.

1.25

Выписывающимъ изъ склада изд. „Столицы и Усадьбы", Петроградъ, Невскій 28—пересылка безплатно.

НОВАЯ КНИГА—

ВЛ. КРЫМОВЪ—

„ЧТОБЫ ЖИЗНЬ НЕ БЫЛА ТАКЪ ПЕЧАЛЬНА"...

(Печатается).

1.50.

Выписывающимъ изъ склада изданія — Невскій, 28, „Столица и Усадьба" — пересылка безплатно.

Роскошныя изданія

Т-ВА Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

„ДЕМОНЪ"

поэма М. Ю. Лермонтова.

иллюстраціи художника А. Зберлинга.

Роскошный томъ въ форматѣ in 25×24° сант., съ воспроизведеніями факсимиле, въ краскахъ и геліогравюрою съ оригиналовъ художника, писанныхъ имъ на Кавказѣ.

Внѣшность изданія строго выдержана въ восточномъ стилѣ.

Цѣна изданія въ художественномъ переплетѣ 8 руб., въ роскошномъ шелковомъ переплетѣ 15 руб.

Цѣна любительскаго экземпляра 30 руб.

„ПИКОВАЯ ДАМА"

повѣсть А. С. Пушкина, подъ редакціей Н. О. Лернера.

иллюстраціи художника Алекс. Н. Бенуа.

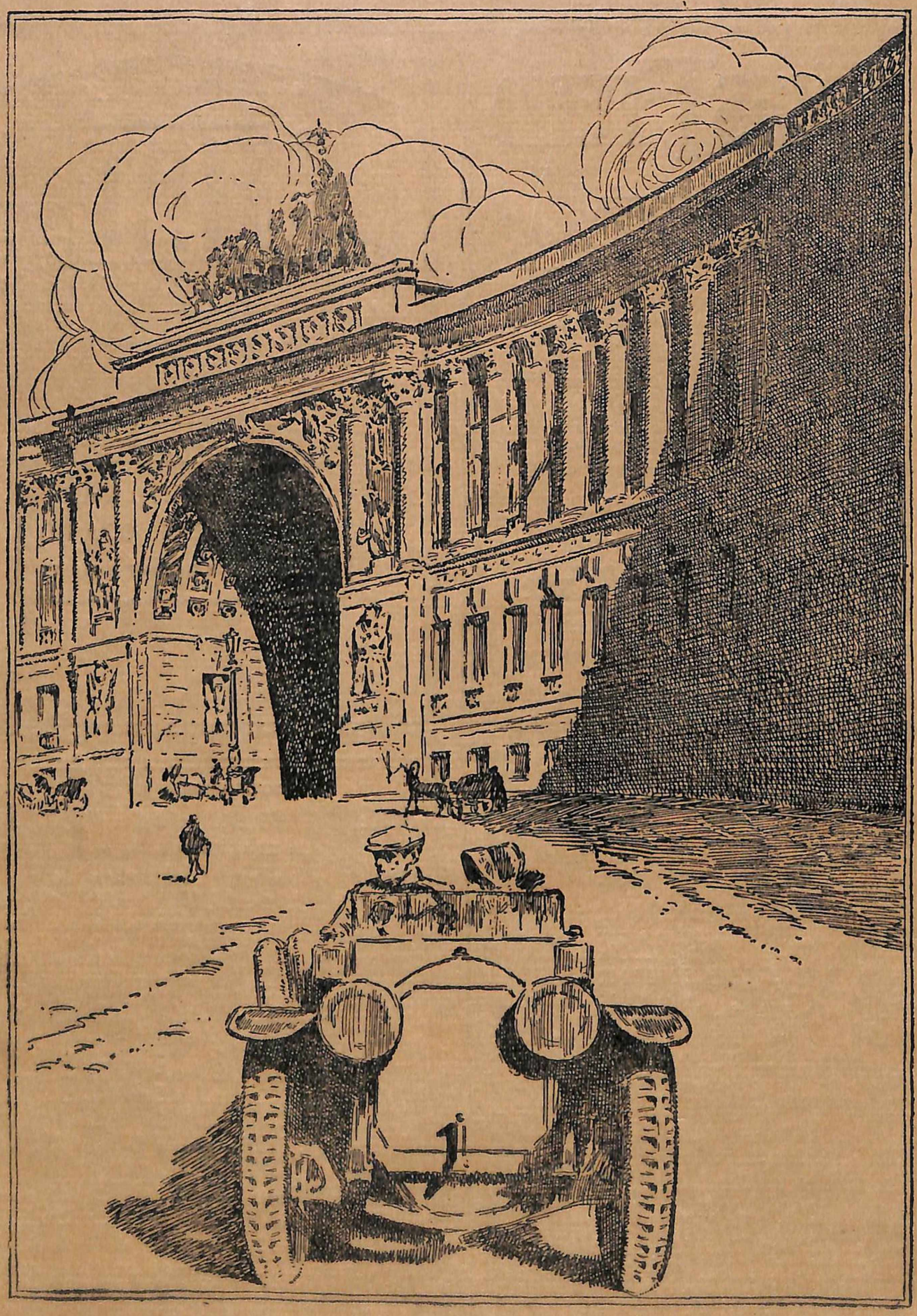
Роскошный томъ въ форматѣ in quarto 30×24 сант., отпечатанный на роскошной бумагѣ, съ многочисленными воспроизведеніями факсимиле въ краскахъ съ акварелей А. Н. Бенуа.

Цѣна изданія въ художественномъ переплетѣ 10 руб., въ роскошномъ кожаномъ—12 руб., въ шелковомъ—15 руб.

Цѣна любительскаго экземпляра 35 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Петроградъ, Звенигородская, 11.



ШИНЫ
ТРЕУГОЛЬНИКЪ.